

ДЖЕЙМС КОРИ

**ПЕПЕЛ
ВАЗВІЛЮЧА**

**JAMES S. A. COREY
BABYLON'S ASHES**

Пространство

Джеймс Кори

Пепел Вавилона

«СОЮЗ»

2016

Кори Д. С.

Пепел Вавилона / Д. С. Кори — «СОЮЗ»,
2016 — (Пространство)

ISBN 978-5-60-467114-6

Межзвездные порталы, которые должны были стать вратами в новое будущее человечества, на деле оказываются для него смертельной ловушкой. Едва Земля, Марс и другие планеты справились с атакой инопланетной протомолекулы, как в мирах Пояса началась революция, которая назревала не один десяток лет. Радикальная группа астероидов, составляющих основу Свободного флота – нанесла огромный ущерб Земле и теперь ведет пиратскую войну против планет Солнечной системы. Отправляющиеся покорять новые миры колонисты, становятся для них легкой добычей, а хорошо вооруженных и мощных кораблей, способных их защитить, практически не осталось. Джеймс Холден и его команда лучше других знают о сильных и слабых местах Свободного флота, и получают, казалось бы, невыполнимое задание – достичь станции Медина, расположенной в самом сердце колец-врат. Но тут раскрывается истинное намерение противника – человечество оказывается всего лишь игрушкой в войне межгалактических держав...

ISBN 978-5-60-467114-6

© Кори Д. С., 2016
© СОЮЗ, 2016

Содержание

Пролог. Намоно	6
Глава 1. Па	11
Глава 2. Филип	17
Глава 3. Холден	22
Глава 4. Салис	27
Глава 5. Па	32
Глава 6. Холден	37
Глава 7. Кларисса	43
Глава 8. Доуз	48
Глава 9. Холден	53
Глава 10. Авасарала	58
Глава 11. Па	63
Глава 12. Холден	69
Глава 13. Пракс	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джеймс Кори Пепел Вавилона

© перевод с английского, Галина Соловьёва

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

*Мэтью, Хэлли и Кенн,
сделавшим всё возможное*

Пролог. Намоно

Через три месяца после падения метеоритов Намоно увидела в небе клочки синевы. Удар по Лагуату – первый из трех разбивших мир камней – взметнул в воздух большую часть Сахары, на много недель скрыв и Луну, и звезды. Даже багровое солнце с трудом пробивало мутные облака. Песок с пеплом сыпался на Великую Абуджу, скапливались барханами, перекрашивая город в желтовато-серый цвет – в тон небу. Еще разбирая с волонтерской командой обломки, занимаясь ранеными, Ноно поняла: раздирающий ей грудь кашель с черной мокротой – оттого, что надыхалась смертью.

От кратера, оставшегося на месте прежнего Лагуата, Лабуджи отделяли три с половиной тысячи километров. Ударная волна повыбивала окна, обрушила часть зданий. Двести погибших, если верить новостям, и четыре тысячи раненых. Больницы переполнились. Если вы не на краю смерти, просим вас оставаться дома.

Электрическая сеть вскоре рухнула. Солнечным батареям не хватало освещения, а наполненный песком воздух разъедал ветряки – их не успевали очищать. Пока из Киншасы везли термоядерный реактор, город пятнадцать суток сидел без света, да и потом все, что было, направлялось на гидропонику, больницам и правительству, поэтому жить светлее не стало. Выйти в сеть с ручных терминалов удавалось не всюду, да и то ненадежно. Иногда они на сутки оставались без связи с миром. Следовало ожидать, твердила себе Намоно, – если бы такое вообще можно было предвидеть.

И все же через три месяца в огромном белеме неба появился просвет. Красноватое солнце соскальзывало на запад, и на востоке засветились лунные города – самоцветы на синем поле. Да, грязноватая и клочковатая, но синева. Ноно утешалась, глядя в нее на ходу.

Международный квартал возник, по историческим меркам, недавно. Редкое здание насчитывало больше ста лет. Этот район запомнил любовь прошлого поколения к широким проездам между лабиринтами узких улочек и мягким изгибам квазиорганической архитектуры. Главным ориентиром оставался монолит Зума-рок. Пыль и пепел, засыпая скалу, не сумели ее изменить. Для Ноно здесь была родина. В этом городе она росла, сюда, покончив с приключениями, перевезла свою маленькую семью.

Здесь надеялась на тихую жизнь.

Она зашла в горьком кашле – потом просто откашлялась.

Вот и центр помощи пострадавшим: фургон на краю общественной парковки. На боку трилистник – эмблема гидропонной фермы. Не ООН и даже не городская администрация. Чрезвычайное положение сплющило слои бюрократии в тонкую лепешку. Спасибо и на том – не всюду найдешь даже такой фургон.

Пологий холм, поросший прежде травой, скрылся под коркой пыли и пепла. Тут и там змеились борозды и изломанные трещины – дети все равно пытались здесь играть, но сейчас никто не катался по склону. Люди собирались в очередь. Ноно тоже встала. У всех здесь были такие же пустые взгляды. Шок, истощение, голод. И жажда. В международном квартале проживало много норвежцев и вьетнамцев, но пепел и несчастье сбили всех, независимо от цвета кожи, в одно племя.

Борт фургона поехал вниз, очередь шевельнулась, предвкушая. Еще один недельный паек, пусть даже скудный. Дожидаясь своей очереди, Ноно со стыдом вспомнила, что никогда в жизни не нуждалась в базовом пособии. Она была из тех, кто заботится о других, а не из нуждающихся в поддержке. Но вот теперь и ей понадобилась помощь.

Она дошла до фургона. Человека, протянувшего ей пакет, она уже видела. Круглолицый, с черными веснушками на смуглой коже. Он спросил адрес, она назвала. После мимолетной

заминки он с четкостью автомата протянул ей белый пластиковый пакет. Ноно взяла. Ужасно легкий. Раздатчик взглянул ей в глаза, только заметив, что женщина не отходит.

– У меня жена, – сказала Намоно. – И дочь.

В его глазах вспыхнула ярость, жесткая, как пощечина.

– Если они могут ускорить рост ячменя или создать рис из ничего, присылайте их к нам. Если нет... вы нас задерживаете!

Глаза у нее защипало от слез.

– По одному на дом, – отрезал раздатчик. – Проходите.

– Но...

– Проходи! – рявкнул он, щелкнув пальцами. – Люди ждут!

Ноно отошла, слыша за спиной непристойные ругательства. Слезы уже высохли – можно не утирать. Вот только глаза щиплют.

Зажав пакет под мышкой, она дождалась, пока прояснится зрение, и пошла к дому. Задерживаться нельзя – есть другие, более отчаявшиеся или менее принципиальные, чем она: они поджидают неосторожных за углами и в подворотнях в надежде раздобыть фильтры для воды и пропитание. Надо идти твердым шагом, чтобы не сочли за добычу. Несколько кварталов она занимала изголодавшийся, измученный ум фантазиями о схватке с ворами. Как будто катарсис насилия сулил ей мир.

Уходя, она обещала Анне зайти на обратном пути к старому Джино, проверить, добрел ли старик до машины с помощью. Но, добравшись до нужного поворота, она не стала заворачивать. Усталость уже высасывала мозг из костей, и ей страшно было подумать: возвращаться в очередь, подпирая собой старика. Скажет, что забыла. Это будет почти правдой.

На повороте с широкого бульвара в свой тупичок она заметила, что фантазии в голове сменились. Теперь под ее ударами молил о пощаде не вор, а конопатый раздатчик помощи. «Если они ускорят рост ячменя...» Это как понимать? Шуточка насчет использования тел вместо удобрений? Он посмел угрожать ее семье? Да кем он себя воображает?

«Нет, – явственно, как будто Анна была рядом, ответил ей внутренний голос. – Нет, он злился, потому что хотел бы помочь, да не мог. Сознание, что всех твоих усилий мало, – само по себе груз. Только и всего. Прости его».

Намоно понимала, что надо бы, но не простила.

Домик у них был маленьким. Полдюжины комнат, стиснутых, как влажный песок в детском кулачке. Ни прямых линий, ни прямых углов. От этого жильё скорее походило на грот или пещеру, чем на построенное человеком здание. Перед дверью Ноно замешкалась, приводя в порядок мысли. Солнце садилось за Зума-рок, в наполненном песком и дымом воздухе вычерчивались широкие лучи. Как будто утес обзавелся нимбом. И точка света в темнеющем небе. Венера. Сегодня в небе, может быть, загорятся звезды. Она уцепилась за эту мысль, как за спасательный плотик в море. Может быть, будут звезды.

В доме было чисто. Коврики вытряхнуты, кирпичный пол подметен. И пахнет сиренью – кто-то из прихожанок Анны принес благовония. Намоно смахнула последнюю слезу. Можно сделать вид, что глаза покраснели от уличной пыли. Если ей и не поверят, так тоже сделают вид.

– Аллю! – позвала она. – Есть кто дома?

В дальней спальне взвизгнула Нами, зашлепала босыми ногами по брускам, пулей вылетела к двери. Ее малышка стала не так уж мала. Она теперь доставала макушкой Ноно до подмышки, а Анне до плеча. Ребяческая пухлость ушла, уже подавала голос жеребьячья красота подростка. Кожа чуть светлей, чем у Ноно, густые тугие кудряшки, но улыбка – русская.

– Вернулась!

– Как же не вернуться, – отозвалась Ноно.

– Что нам дали?

Намоно отдала дочке белый пакет. Заговорщицки улыбнулась, склонившись к ее лицу.

– Может, ты согласишься и расскажешь мне?

Нами в ответ ухмыльнулась и поскакала в кухню так, будто ей вручили не восстановители для воды и быстрорастущий ячмень, а бриллианты. В ее не совсем наигранном восторге, кроме искренней радости, было и желание уверить матерей, что с ней все хорошо, что о ней можно не волноваться. Сколько силы – не только ей – дает стремление защитить другого. Ноно не знала, хорошо это или плохо.

В спальне лежала на подушках Анна. Пухлый том Толстого пристроился рядом. Корешок изломан – не раз перечитывался. «Война и мир». Анна тускло бледна, лицо осунулось. Ноно осторожно присела рядом, опустила ладонь на голую кожу на правом бедре жены, над разбитым коленом. Кожа уже не обжигала и не натягивалась, как барабан. Хороший знак.

– Сегодня в небе были просветы, – рассказала ей Ноно. – Ночью могут показаться звезды. Анна улыбнулась своей русской улыбкой – той самой, что с ее генами передалась Нами.

– Вот и хорошо. Перемена к лучшему.

– Видит бог, есть куда меняться, – отозвалась Намоно и, еще не договорив, пожалела, что не сдержала горечи. Чтобы смягчить сказанное, взяла Анну за руку. – И ты лучше выглядишь.

– Сегодня жара нет, – согласилась Анна.

– Совсем?

– Ну, немножко.

– Много было гостей? – скрывая недовольство, спросила Ноно. Прихожане устроили вокруг раненой Анны большую суету, несли знаки внимания, наперебой предлагали помощь, не давая больной отдохнуть. Намоно позволяла себе вмешаться и отослать их. Она подозревала, что Анна это допустила больше за тем, чтобы паства не отдавала ей последние припасы.

– Амири заходил, – сказала Анна.

– Да что ты? И чего же хотел мой кузен?

– Завтра у нас молитвенное собрание. Всего около дюжины человек. Нами помогла прибрать для них гостиную. Я знаю, надо было тебя спросить, но...

Анна кивнула на распухшую, как тесто, ногу, словно самым страшным, что с ней случилось, стала неспособность стоять за кафедрой. Может, так оно и было.

– Если ты уже в состоянии, – кивнула Намоно.

– Извини.

– Извиняю. Опять. Всегда.

– Ты добра ко мне, Ноно. – И, тихо, чтобы не услышала Нами: – Пока тебя не было, объявляли тревогу.

Намоно похолодела.

– Куда ударит?

– Не ударит. Перехватили. Но...

Молчание договорило за них. Еще один. Еще один камень, швырнутый в гравитационный колодец, в хрупкие останки земли.

– Я Нами не сказала, – призналась Анна так, словно считала за грех защитить ребенка от страха.

– Это ничего, – ответила Намоно. – Если надо будет, я скажу.

– Как Джино?

«Забыла» – уже подступило к горлу, но Намоно не сумела выговорить лжи. Себе она могла солгать, но не в чистые глаза Анны.

– Сейчас схожу к нему.

– Это важно, – сказала Анна.

– Понимаю. Просто я так устала.

– Потому-то это и важно. Катастрофа заставляет нас сплотиться. В критический момент это выходит легко, естественно. А когда все затягивается, приходится делать над собой усилие. Надо, чтобы все знали: мы вместе.

Пока не прилетел еще один камень, который флот не успеет перехватить. Или не откажут восстановители. Или не случится одна из тысячи бед, каждая из которых означает смерть. Но для Анны и это не беда. Лишь бы все были хорошими и добрыми друг к другу. Пока они бережно ведут друг друга к могиле, Анна считает, что следует своему призванию. Может быть, она права.

– Конечно, – сказала Намоно. – Просто хотела сперва занести домой помощь.

Она едва успела договорить, как в комнату ворвалась Нами: в каждой руке по восстановителю.

– Смотрите! Еще одна прекрасная неделя на очищенной моче и грязной дождевой воде! – возвестила она с усмешкой, и Намоно в миллионный раз подумала, какой идеальной копией своих матерей растет их дочь.

Кроме восстановителей, в пакете были зерновые брикеты быстрого приготовления, паке-тики, на которых по-китайски и на хинди значилось «кур-строганов», и горсть таблеток. Витамины на всех. Болеутоляющее для Анны. Уже кое-что.

Намоно посидела, держа жену за руку, пока веки у Анны не опустились, щеки не обмякли, предвещая сон. За окном остатки закатного багрянца сменились серыми сумерками. Анна немного расслабилась, плечи опустились, разгладилась складка на лбу. Анна не жаловалась, но ей, кроме общего страха, приходилось выносить боль и беспомощность калеки. Приятно увидеть, как все это отступает хоть ненадолго. Анна всегда была недурна собой, но во сне становилась красавицей.

Дождавшись, пока жена глубоко, ровно задышала, Намоно встала. У самой двери ее догнал хрипловатый со сна голос Анны:

– Не забудь про Джино.

– Как раз к нему иду, – тихо отозвалась Ноно, и дыхание Анны снова вернулось к ритму сна.

– А можно мне с тобой? – спросила ее на выходе Нами. – Терминалы опять отключились, делать нечего.

На язык просились: «Там слишком опасно» и «Ты можешь понадобится маме», – но в глазах дочери была такая надежда...

– Да, только обуйся.

Дорога к Джино стала танцем среди теней. К солнечным батареям пробилось достаточно солнца, чтобы половина домов тускло осветилась изнутри. Немногим ярче, чем от свечей, но светлее, чем раньше. Впрочем, сам город остался темным. Ни фонарей, ни огней небоскребов, и всего несколько ярких точек экогорода на юге.

Вдруг ярко, с силой вспомнилось, как Намоно, не старше, чем теперь ее дочь, в первый раз летела на Луну. Сверкание звезд, ошеломительная красота Млечного Пути. Сейчас даже сквозь пыль над головами виднелось больше звезд, чем пробивалось прежде сквозь городскую засветку. Сияла Луна – серебряный полумесяц, обнимающий темное поле с золотой филигранью. Намоно взяла дочь за руку.

Пальцы Нами стали толще, тверже, чем раньше. Девочка росла. Уже не малютка. Сколько они строили планов на ее студенчество, на совместные путешествия! Все теперь рассыпалось. Мир, в котором они собирались растить дочь, пропал. Намоно подумала об этом виновато, будто могла предотвратить то, что случилось. Как будто это ее вина.

В сгущающейся темноте слышались голоса, но не так много, как бывало. Прежде этот район кипел ночной жизнью. Пабы, уличные артисты, недавно вошедшая в моду жесткая, гро-мыхающая музыка – словно кто-то рассыпал по улице кирпичи. Теперь люди ложились спать

с темнотой и вставали с первым светом. Откуда-то пахло едой. Странное дело: даже ячменная каша может стать приметой уюта. Она надеялась, что старый Джино добрался до фургона или что за ним зашел кто-то из прихожан Анны. Иначе Анна добьется, чтобы ему отдали часть их пайка, и Намоно уступит.

Но этого еще не случилось. Нечего кликать беду, пока она не пришла. И без того у порога толпа бед. Пока они дошагали до поворота к старому Джино, в небе погасли последние отблески заката. Зума-рок виделась теперь тысячеметровой темной массой в темном небе. Словно земля бессильно грозила небу кулаком.

– Ох, – на вдохе вымолвила Нами. – Ты видела?

– Что видела? – спросила Намоно.

– Падучая звезда. Смотри, еще одна!

Да, среди неподвижных, только мерцающих звезд мелькнула полоска света. И еще одна. Пока они стояли рука в руке, по небу скатилось еще полдюжины. Она едва сдержала себя, чтобы не броситься назад, не затолкать дочь в подворотню, прикрывая собой. Объявляли тревогу, но флот ООН успел перехватить удар. Эти вспышки в верхн их слоях атмосферы – может быть, даже не его осколки. Или осколки.

Так или иначе, падучие звезды когда-то были красивыми. Невинными. Больше не будут. Для нее – не будут. И ни для кого на Земле. Каждая огненная полоска нашептывает о смерти. Говорит яснее ясного: «Всему может придти конец, и ты тут ничего не изменишь». Еще одна яркая, как огонек горелки, полоска безмолвно расцвела огненным шариком величиной с ноготь.

– Эта была большая, – сказала Нами.

«Нет, – подумала Намоно. – Нет, эта не большая».

Глава 1. Па

– На хрен, права не имеете! – в который раз проорал хозяин «Хорнблауэра». – Мы свое заработали – оно наше!

– Мы это уже обсуждали, сэр, – отвечала ему капитан «Коннахта» Мичо Па. – Ваш корабль с грузом задержан согласно приказу Свободного флота.

– Плевать мне на ваших голодающих! Если астерам нужны продукты, пусть покупают. А что мое, то мое. – Нужны. Если бы вы подчинились приказу... – Вы нас расстреляли! Отбили дюзы!

– Вы пытались уйти. Ваши пассажиры и команда...

– Свободный флот, раздери мою задницу. Воры!

Пираты!

Стоявший слева Эванс – ее старпом и последнее пополнение семьи – крякнул, словно от удара. Мичо покосилась на него и наткнулась на взгляд голубых глаз. Эванс ухмылялся, сверкал белыми зубами на смазливой физиономии. Парень был хорош собой и знал об этом. Мичо приглушила микрофон, пропуская мимо ушей поток сквернословия с «Хорнблауэра», и кивнула ему: «Ну, что тебе?»

Эванс ткнул пальцем в сторону панели.

– Как сердит... задели беднягу койю, теперь не остановишь.

– Серьезней, – одернула Мичо, не сдержав, впрочем, улыбки.

– Я серьезно. Фраже бист.

– Это ты-то нежный?

– В душе. – Эванс прижал ладонь к скульптурной груди. – Ребенок, ми.

В динамике владелец «Хорнблауэра» накручивал себя до пены на губах. Его послушать, Па и грабительница, и шлюха, и плевать ей, чьи там дети мрут с голову, лишь бы ей платили. Будь она его дочь – убил бы, чтоб не порочила честь семьи. Эванс ухмылялся.

Мичо, как ни крепилась, рассмеялась в ответ.

– Ты знаешь, что, когда флиртуешь, у тебя акцент заметней?

– Да-да, – закивал Эванс. – Я – сложная смесь любви и порока. Но ты все же отвлекись от него. Теряешь терпение.

– Пока еще не потеряла. – Она оживила микрофон. – Сэр... Сэр! Давайте сойдемся на том, что я из тех пиратов, которые готовы запереть вас до Каллисто в собственной каюте, а не вышвырнуть в пустоту. Устраивает?

После короткой ошеломленной паузы по радиации хлынул поток бессвязной ярости, завершившийся чем-то вроде: «Только попробуй, я твою астерскую кровь выпью насухо!» Мичо подняла три пальца. Оксана Буш махнула в ответ с противоположного конца рубки и застучала по оружейной панели.

«Коннахт» от рождения не был астерским кораблем. Его строили для флота Марсианской Республики и снабдили разнообразным набором военных и технических систем. Семья чуть не год разбиралась с ними, поначалу проводя учения в тайне. И только когда пришел срок, вступили в дело. Теперь Мичо на своем мониторе наблюдала, как «Коннахт» опознал и пометил на дрейфующем грузовике шесть точек, чтобы вскрыть корпус точно направленными снарядами ОТО. Включились прицельные лазеры, запятали «Хорнблауэр». Мичо выжидала. Эванс улыбался уже не так уверенно. Он не готов был убивать гражданских. По чести сказать, Мичо бы тоже не хотелось, но она не пропустит «Хорнблауэр» за кольцо, к будущей колонии на чужой планете. Переговоры велись только об условиях сдачи.

– Стрелять, боссманг? – спросила Буш.

– Пока не надо, – ответила Мичо. – Следи за двигателем. Если включат зажигание – тогда.

– Если они вздумают уйти на отбитой дюзе, сэкономим боеприпас, – с издевкой процедила Буш.

– От их груза люди зависят.

– Мне что, – проговорила Буш. И, помедлив, добавила: – Пока они холодные.

Рация щелкнула, отплюнулась. С того корабля кто-то орал – но не на Мичо. Затем раздался другой голос, к нему присоединились, перебивая, еще несколько. Прогрели выстрелы. Пройдя через рацию, звуки боя становились слабыми и безобидными.

Вот и новый голос:

– «Коннахт», вы здесь?

– Еще здесь, – отозвалась Мичо. – Прощу назваться.

– Я Серджио Планта, – сообщил голос, – исполняющий обязанности капитана «Хорнблауэра». Готов сдаться.

Только чтобы никто не пострадал, договорились?

Эванс улыбнулся, давая выход торжеству и облегчению.

– Бессе вас слышать, капитан Планта, – ответила Мичо. – Принимаю ваши условия. Приготовьтесь принять абордажную команду.

Она отрубилась связь.

* * *

Мичо полагала, что история – это цепь неожиданностей, которые задним числом представляются неизбежными. Это касалось как планет, народов и гигантских корпораций-государств, так и судеб маленьких людей. Что наверху, то и внизу. Что с АВП, Землей и Марсианской Республикой Конгресса, то и с Оксаной Буш, Эвансом Гарнером-Чой и Мичо Па. И, если на то пошло, с каждой живой душой на «Коннахте» и его братьях. Только для нее, занимающей это место, отдающей эти приказы, отвечающей за то, чтобы каждый член команды был жив, здоров и на той стороне, где надо, что-то значили маленькие личные истории мужчин и женщин на борту.

Для самой Па первой неожиданностью стало участие в военных действиях Пояса. В юности она готовилась стать инженером-системщиком или администратором на одной из больших станций. Может быть, так бы и вышло, люби она математику больше, чем любила. Мичо подала документы в верхний университет, потому что считала, что ей туда, и провалилась, потому что там был жуткий конкурс. Получив от консультанта сообщение об отказе, Мичо была потрясена. Задним числом стало ясно, что этого следовало ожидать. Исторический взгляд видит яснее.

АВП, вот этому его подразделению, она больше подходила. В первые же месяцы разобралась, что Альянс Внешних Планет – не столько объединенное революционное правительство, сколько торговая марка, созданная астерами в рассуждении, что что-нибудь в этом роде им следует завести. Группа Вольтера называла себя АВП, и обосновавшиеся на станции Тихо люди Фреда Джонсона – тоже, и Андерсон Доуз, правивший Церерой под знаком рассеченного круга, и Зиг Очоа, противостоявший ему под той же эмблемой.

Мичо много лет лепила из себя военного человека, в глубине души сознавая, что подчинение – не ее стезя.

Было время, когда наличие высшего командования внушало ей чувство опоры – уверенность в собственной власти над подчиненными и власти начальства над ней. Это и возвысило Па до поста старпома на «Бегемоте». И привело в медленную зону, когда человечество, пройдя сквозь врата, стало наследником тринадцати сотен планет. И убило ее любовницу Сэм Розенберг. После чего Мичо отчасти утратила веру в высокое начальство.

Опять же, задним числом все видится яснее.

Что до второй неожиданности, Мичо не сумела бы ее точно назвать. Групповой брак, или вербовка Марко Инаросом, или ее новый корабль и революционное задание Свободного флота. Жизни людские извилистее рудных жил, и не всякий поворот очевиден даже задним числом.

* * *

– Абордажная команда готова, – доложил Кармонди. Микрофон скафандра срезал с голоса интонации. – Взламывать?

Кармонди как глава десантной команды, строго говоря, не подчинялся Мичо, но относился к ней с почтением с первой минуты на борту. Он несколько лет прожил на Марсе, не состоял в множественном браке, образовавшем ядро команды «Коннахта», и был в достаточной степени профессионалом, чтобы смириться с положением постороннего. Этим он ей нравился, даже если в остальном – не слишком.

– Дай им возможность проявить гостеприимство, – отозвалась Мичо. – Если начнут стрелять, действуй по обстановке.

– Ясно. – Кармонди переключился на другой канал.

Теперь оба корабля зависли в невесомости, так что нельзя было откинуться на спинку амортизатора. А если бы могла, она бы откинулась.

Когда стало известно, что Свободный флот берет власть над системой и закрывает движение через кольцоврата, флот колониальных кораблей, гнавший к новым мирам, оказался перед выбором: остановиться и сдать груз для распределения по наиболее нуждающимся станциям и кораблям – и сохранить свой корабль. Или бежать с риском и корабля лишиться.

«Хорнблауэр» и многие кроме него рассчитали, что рискнуть стоит. Заглушив опознавательный сигнал, они раскручивали корабль и гнали как черти – но недолго. Разгон – поворот, разгон – поворот, разгон...

Это называлось «хотару». Короткая вспышка и уход в темноту в надежде, что огромный космос укроет их на время, пока политика не переменится. Припасов и продовольствия на таких кораблях хватило бы на много лет целой колонии. И если их не засекали в первый момент, потом искать беглецов можно было не одно поколение.

Дюзовый выхлоп «Хорнблауэра» следящие станции засекали сразу с Ганимеда и с Титана. Самое мерзкое для Мичо было уходить при погоне из плоскости эклиптики. Большая часть гелиосферы Солнца распространяется выше и ниже тонкого диска, в котором вращаются по орбитам планеты и астероиды. Мичо питала к этим областям пространства суеверную неприязнь, видя в великой пустоте угрозу, с двух сторон теснящую человеческую цивилизацию.

Пусть кольцо и нереальное пространство за ним более чужды человеку – а это действительно так, – но страх перед выходом из эклиптики рос в ней с детства. Он стал ее личным мифом и предвещал неудачу.

Мичо настроила монитор на изображение с камер абордажной команды и подключила тихую музыку. «Хорнблауэр» показывался теперь под двадцатью разными углами, а пальцы, перебиравшие струны арф и стучащие по коже барабанов, пытались ее успокоить. В шлюзе, широко раскинув руки, стоял темнокожий землянин. Полдюжины камер нацелились на него, в поле зрения попадали и стволы личного оружия. Остальные ловили движение на корпусе или вне корабля. Землянин поднял руки, развернулся, придерживаясь за скобу, и завел руки назад, подставив под затяжные «хомуты» наручников. Мичо показалось, что капитан Плант – если это был он – проделывает такое не в первый раз. Уже попадал под арест?

Абордажная команда вошла внутрь, взгляды и внимание переключились на коридоры. Шли группами: движение на каждом экране отмечалось на высветившейся рядом карте. Показался камбуз, где рядами плавала команда «Коннахта» – руки простерты вперед в готовности принять свою судьбу. Картинки с камер шли мелкие, чтобы уместиться на ее мониторе,

но даже в таком размере видны были слезы на лицах пленников. Маски горя, вылепленные поверхностным натяжением из соленого раствора.

– Ничего с ними не случится, – подал голос Эванс. – Са? Такая у тебя работа, да?

– Знаю, – процедила Мичо, не отрываясь от экрана.

Абордажная команда переходила с палубы на палубу, отключая управление. Отменная координация – словно единый двадцатиглазый организм. Сказываются профессионализм и муштра. Жилая палуба выглядела запущенной. Оставленные на плаву ручные терминалы и питьевые груши присосало к воздуховодам. Бездействующие при отсутствии ускорения амортизаторы торчали под разными углами. Мичо вспомнились старинные видео земных кораблекрушений. Корабль колонистов затонул в бесконечном вакууме.

Она не сомневалась, что Кармонди, прежде чем действовать, вызовет ее, и сделала музыку совсем тихой.

Запрос на связь возвестил о себе деликатным звяканьем. – Корабль под контролем, капитан, – доложил Кармонди. Двое из его людей смотрели на командира, так что Мичо видела движение губ и подбородка с двух точек зрения и одновременно слышала. – Сопrotивления не оказывали. Никаких проблем.

– Буш, доложите! – окликнула Мичо.

– Их защиту сняла, – отозвалась Оксана. – Тогда и аллес.

Мичо кивнула – скорее себе, чем Кармонди.

– «Коннахт» контролирует системы вражеского корабля.

– Мы устанавливаем периметр и запираем пленных. Запускаю автоматическую проверку.

– Понятно. – Мичо повернулась к Эвансу. – Давай-ка отойдем подальше, чтобы не задело взрывом, если в зерновом отсеке спрятана ядрена бомба.

– Исполняю, – ответил Эванс.

Движение на маневровых едва натянуло ремни – меньше десятой g и всего несколько секунд. Отбирать то, что кто-то считает своим по праву, – опасная работа. «Коннахт», конечно, проследит за абордажниками, будет держать чуткие пальцы на пульсе. Кроме того, каждые полчаса Кармонди станет отзваниваться по протоколу. Стоит ему пропустить сигнал, Мичо превратит «Хорнблауэр» в облачко нагретого газа – в поучение следующим кораблям. А нескольким тысячам обитателей Каллисто, Ио и Европы останется надежда на другие корабли Свободного флота.

Пояс наконец сбросил иго внутренних планет. Поясу принадлежала станция Медина в сердце врат и единственный действующий в Солнечной системе флот, им принадлежала благодарность миллионов астеров. В историческом масштабе это была величайшая победа свободы и независимости. В местном масштабе они сейчас спасали победителей от голодной смерти.

В ближайшие двое суток команда Кармонди будет удерживать несостоявшихся колонистов на запертых палубах, а корабль предстоит перегнать на стабильную орбиту у Юпитера. Потом произвести полную инвентаризацию добычи. После этого еще неделю придется дожидаться установки транспортировочных двигателей. Все это время «Коннахт» останется сторожем и тюремщиком, а Мичо нечего будет делать, как высматривать в темноте новых беглецов.

Ее это не радовало, как не радовало и ее многочисленных супруг и супругов. Все же в голосе Оксаны прозвучало что-то большее, чем предчувствие неизбежной скуки.

– Боссманг, принято подтверждение Цереры.

– Хорошо. – Мичо переменной тона дала понять, что она услышала и невысказанное. Оксана Буш была ее женой с тех пор, как собралась их семейная группа. Они хорошо изучили друг друга.

– И еще кое-что. Сам передает.

– Чего хочет Доуз? – спросила Мичо.

– Не Доуз. Сам большой.

– Инарос? – удивилась Мичо. – Прокрути.

– С пометкой: «Только для капитана», – предупредила Оксана. – Могу перекачать тебе в каюту или на терминал, если...

– Прокрути, Оксана.

На мониторе появился Марко Инарос. Судя по тому, как лежали волосы, он находился на Церере или шел под ускорением. Фона за спиной не видно, не определишь, на корабле он или в кабинете. Обаятельная улыбка отражалась в теплом взгляде темных глаз. Почувствовав, как зачастил пульс, Мичо уверила себя, что это ужас, а не влечение. В основном так оно и было. Хотя в харизме поганцу не откажешь.

– Капитан Па, – заговорил Марко. – Рад слышать, что «Хорнблауэр» вы взяли чисто. Это еще одно доказательство ваших способностей. Мы не ошиблись, поручив вам командование этой операцией. Поскольку все прошло достаточно гладко, мы готовы перейти к следующей стадии.

Мичо оглянулась на Эванса и Оксану. Эванс теребил себе бороду. Оксана отвела взгляд.

– Ведите «Хорнблауэр» напрямик к Церере, – продолжал Марко. – А я тем временем собираю совещание. Строго для внутреннего круга. Вы и я, Доуз, Розенфелд и Санджрани. На Церере. – Он улыбнулся шире прежнего. – Теперь, когда система в наших руках, предстоят перемены, а? «Пелла» говорит, что вы доберетесь за две недели. Рад буду повидать вас лично.

Он четко отдал салют Свободного флота, который сам же и придумал. Экран погас. Мичо непросто было разобраться в нахлынувшей смеси недоумения, отчаяния и облегчения. Всегда не по себе, когда задание меняют так внезапно и без объяснений. А участие в совещаниях внутреннего круга до сих пор отдавало опасностью с тех времен, когда Свободный флот еще не заявил о себе. Когда годами держишься в тени, мысли и чувства меняются, и переступить их трудно даже после победы. Что ж, по крайней мере, они возвращаются в плоскость эклиптики, а не уходят в черную высоту, где происходит всякое злоещее. Нехорошее.

«Такое, – подсказал голосок в голове, – как внезапные вызовы на совещание».

– Две недели? – переспросила Мичо.

– Возможно, – едва отзвучал вопрос, отозвалась Буш. Она уже прогоняла полетный план. – Но на высокой тяге.

И не дожидаясь «Хорнблауэра».

– Кармонди это не понравится, – заметила Па.

– Стерпит, – сказала Оксана. – Приказ самого!

– Это да, – согласилась Мичо.

Эванс откашлялся.

– Так что, выполняем?

Мичо подняла кулак – да.

– Это же Инарос, – сказала она вслух, одним этим именем приканчивая зарождающийся спор.

– Ну... бьен, – протянул Эванс так, словно сказать хотел совсем другое.

– Что не так? – спросила Па.

– Да просто это не первый раз, когда планы меняются, – морщась от беспокойства, пояснил Эванс. Grimаса ему не шла, но он был самым новым мужем, и Мичо не стала на это указывать. Миловидные мужчины порою так чувствительны...

– Продолжай, – просто сказала она.

– Ну, было то дело с деньгами и Санджрани. И с марсианским премьером, который благополучно попал на Луну, хотя за ним гонялся весь Свободный флот. И еще, как я слышал, мы пытались убить и Фреда Джонсона, и Джеймса Холдена, а оба еще дышат и разгуливают на свободе. Вот я и подумал...

– Что Марко не так непогрешим, как из себя строит? – подсказала Мичо.

Эванс ответил не сразу. Мичо уж решила, что и не ответит.

– Примерно так, – наконец заговорил Эванс. – Только об этом даже думать небезопасно,
а?

– Примерно так, – признала Мичо.

Глава 2. Филип

Больше всех на свете он ненавидел Джеймса Холдена.

Миротворца Холдена, ни разу не восстановившего мира. Поборника справедливости Холдена, никогда ничем не пожертвовавшего справедливости. Джеймса Холдена, смешавшего в одну команду марсиан с астерами – с *одним* астером – и разгуливающего по системе с таким видом, будто он от этого стал лучше других. Нейтрала, стоявшего над схваткой, пока ресурсы внутренних планет выбрасывались на новые тринадцать сотен миров, оставляя астеров на смерть. И, вопреки всем расчетам, не погибшего с «Четземоккой».

От Холдена ненамного отставал Фред Джонсон – прижившийся в Поясе землянин, вздумавший говорить от имени астеров. Палач станции Андерсон, сделавший карьеру на убийстве невинных астеров и продолжавший ее, выводя людей на смертельную для них и их культуры орбиту. Этим Джонсон заслужил ненависть и презрение. Но мать Филипа привел к гибели не сам Джонсон, поэтому Холден – Джеймс *тинче*¹ Холден – заслужил первый приз.

Не один месяц прошел с тех пор, как Филип разбил кулаки о внутренний люк шлюза, за которым его свихнувшаяся на культе Джонсона мать готовилась выбросить в вакуум себя и Сина. Глупые потери. Ненужные. Он уверял себя, что потому они и причиняют такую боль. Потому что ей незачем было умирать, а она все же выбрала смерть. Он разбил кулаки, пытаясь ее остановить, но ничего не добился. Наоми Нагата предпочла злую смерть в пустоте жизни со своим настоящим народом. Что и доказывало, какую власть забрал над ней Холден. Как глубоко он промыл ей мозги, и как слаба духом была она с самого начала.

Он никому на «Пелле» не признавался, что каждую ночь видит это во сне: запертый люк, уверенность, что за ним скрыто что-то бесценное, – что-то важное, – и жестокое чувство потери от того, что открыть люк невозможно. Знай они, как его это преследует, сочли бы слабаком, а отец не нуждался в людях, не способных делать свое дело. Даже если это его сын. Либо Филип – настоящий астер в Свободном флоте, либо найди себе место на станции и сиди там, как мальчишка. Ему скоро исполнится семнадцать: он уже участвовал в уничтожении землян-угнетателей. Детство осталось в прошлом.

* * *

Станция «Паллада» была из старейших в Поясе. Здесь открывали первые рудники и первые плавильные фабрики. За ними подтянулась и другая промышленность, сложилась индустриальная база. Тем более что использовать устаревшие, не сданные в переплавку дробилки и центрифуги было проще. Привычнее. Палладу так и не раскрутили. Силу тяжести на ней обеспечивала только природная микрогравитация ее массы – два процента земной, полной *g*. Чуть больше постоянной направляющей дрейфа. Станция раскачивалась вверх-вниз от плоскости эклиптики, словно норовила вытолкнуться из Солнечной системы. Церера и Веста были и больше, и многолюдней, но металл для корабельной обшивки и реакторов, для станций и грузовых контейнеров, для орудий, которыми оцетинились корабли Свободного флота, и для снарядов шел отсюда. Если Ганимед был хлебной житницей Пояса, то Паллада – его кузницей.

Понятно, что Свободный флот в своих странствиях по освобожденной системе не мог миновать станцию с такими ресурсами.

– С'йахаминда, кве? – окликнул капитан порта, выплывая с широкой стороны зала собраний. Зал был астерский: ни столов, ни стульев. Его архитектура почти не делала различий

¹ Грязное ругательство (*исп.*) – Здесь и далее примеч. переводчика

между верхом и низом. Филипу, который долго прожил на кораблях, под гравитацией ускорения, здесь было удобно, как дома. Марсианские проектировщики никогда не добьются такого аутентичного эффекта.

То же относилось и к капитану порта. Долговязый – таких длинных костей не найдешь даже у тех, кто провел детство при низкой и непостоянной силе тяжести. И голова относительно тела больше, чем у Филипа, Марко и Карала. На глазу слепое бельмо: даже фармацевтический коктейль, дающий человеку возможность существовать в невесомости, не спас глазных капилляров. Такому человеку не выжить на планете, даже совсем недолго не продержаться. Дальний конец спектра астерской физиологии. Именно таких призван был защищать и представлять Свободный флот.

И, наверное, именно поэтому он находился в таком смятении, словно его предали.

– А что такое? – Марко пожал ладонями так, словно не видел ничего особенного в просьбе выбросить в космос содержимое складов.

Филип, подражая отцу, вздернул бровь. Карал молча нахмурился, стиснув подлокотник.

– Пер эс эса миндан хой, – отозвался капитан.

– Знаю, что это все, что есть, – ответил Марко. – В том-то и дело. Пока все это здесь, Паллада постоянно будет под прицелом внутряков. Загрузите все в контейнеры и выстрелите ими так, чтобы только мы знали траектории. Мы, когда понадобится, вычислим, где они, и подберем. Так мы мало что выдернем станцию у них из рук – еще и покажем, что здесь пусто, пока они и рук протянуть не успели.

– Пер миндан... – Капитан порта расстроено заморгал.

– Вам за все заплатят, – вмешался Филип. – Под расписку Свободного флота.

– Хорошо, да, – отозвался капитан, – абер²...

Он заморгал вдвое чаще и взглянул мимо Марко, словно адмирал первой боевой единицы астеров плавал на полметра левее. И облизнул губы.

– Абер?.. – передразнил его акцент Марко.

– Расчет вращения треба нойе ганга, а?

– Если понадобятся новые детали, покупай новые. – В голосе Марко прорезался опасный звон.

– Абер... – Капитан порта сглотнул.

– Но вы привыкли закупать их у Земли, – подсказал Марко, – а теперь наши деньги там не в ходу.

Капитан поднял кулак, соглашаясь.

Марко мягко, открыто улыбнулся ему. Сочувственно улыбнулся.

– Там ничьи деньги не в ходу. Отныне. Теперь покупайте у астеров. Только у астеров.

– У астеров не то качество, – проскулил капитан.

– Наши – лучшего качества, – отрезал Марко. – История не стоит на месте, друг мой. Постарайся от нее не отстать. И пакуй все, что есть, для выброса, са-са?

Встретившись с Марко взглядом, капитан порта согласно поднял кулак. А что ему оставалось? Когда все пушки у Марко, самая вежливая его просьба – все равно приказ. Марко толкнулся, слабая гравитация Паллады искривила траекторию его тела. Он остановил себя, зацепившись за скобу рядом с капитаном, – и обнял того. Капитан порта на объятия не ответил. Он затаил дыхание, как будто столкнулся с опасным зверем, который, если не шевелиться, может быть, пройдет мимо.

Переходы и коридоры, ведущие от кабинета капитана к докам, были залатаны древними керамическими пластинами и более новой карбосиликатной пленкой. «Кружевная пленка» – ее производство наладили после того, как протомолекула продвинула химиков на поколения

² Но (нем.)

вперед, – отливала радугой, как бензин на воде. Считалось, что она прочнее керамики и титана, тверже и гибче. Сколько она продержится, никто пока не знал, хотя, если верить донесениям с иных миров, вполне могла оказаться на порядок долговечнее создавших ее людей. Если только те правильно ее изготовили. Трудно сказать.

Челнок Паллады уже ждал их. Бастьен пристегнулся в кресле пилота.

– Бист бьен?³ – обратился он к Марко, когда тот загерметизировал люк.

– На лучшее я и не надеялся, – ответил тот, оглядывая тесную кабину. Шесть амортизаторов, не считая пилотского поста Бастьена. Карал пристегнулся в одном, Филип – в другом. Но сам Марко еще плавал над полом, рассыпав волосы по плечам. Он вопросительно вздернул подбородок.

– Розенфелд уже на месте, – ответил ему Бастьен. – Три часа как ждет на «Пелле».

– Да что ты? – Наверное, один Филип расслышал жесткую нотку в голосе Марко. Тот скользнул в амортизатор, защелкнул ремни. – Хорошо. Присоединимся к нему.

Бастьен сверился с системой управления портом – скорее по привычке, чем по необходимости. Челнок Марко, капитана «Пеллы» и адмирала Свободного флота, всюду проходил вне очереди. Но Бастьен все же проверил допуск на взлет и еще раз прошелся по контролю герметичности и среды – пожалуй, в десятый раз. Для всякого выросшего в Поясе проверка воздуха, воды и прокладок была естественной, как дыхание. Гены, не обеспечивавшие такой привычки, быстро уходили из генного пула.

Тела потяжелели, когда челнок отчалил. Потом зашипели шарниры разворачивающихся амортизаторов – Бастьен запустил маневровые. Они не набрали и четверти *g*, но и того хватило, чтобы в считанные минуты добраться до «Пеллы». Пройли шлюз – тот самый, что выбрала для самоубийства Наоми, – и вплыли в привычный воздух «Пеллы».

Розенфелд Гаолян их уже ждал.

Всю жизнь, сколько Филип себя помнил, Пояс означал для него Альянс Внешних Планет, а АВП – самых главных людей. Свой народ. Только повзрослев настолько, чтобы присутствовать при разговорах отца с другими взрослыми, он начал понимать, что АВП глубже и богаче оттенками. Тогда он заменил слово народ на «альянс». Не республика, не объединенные нации и не народ. Альянс. АВП был огромным котлом, в котором складывались, распадалась и снова складывались различные группы, кое-как сходящиеся лишь в том, что при всех разногласиях они едины в борьбе с игом внутренних планет. Под флагом АВП существовали разные крупные объединения: станция Тихо под Фредом Джонсоном и Церера под Андерсоном Доузом, каждый со своей милицией; провокаторы-идеологи группы Вольтер; явный криминал Золотой Ветви; отказавшиеся от применения силы попутчики Марртутвы Кулу. На каждую из крупных приходились десятки, если не сотни организаций и ассоциаций поменьше, тайных обществ и взаимовыгодных сообществ. Вместе их свели экономические и военные репрессии со стороны Земли и Марса.

Свободный флот не принадлежал и не собирался принадлежать к АВП. Свободный флот был твердыней нового порядка, сплоченной силой, не зависящей от наличия врага. Он сулил будущее, в котором прежнее ярмо не только сбросят с плеч, но и разобьют.

Что не означало, будто флот свободен от прошлого.

Розенфелд был мелким человечком, даже во флоте умудрившимся остаться разболтанным. Темная, в странных пупырышках кожа, глубоко посаженные глаза. Он носил татуировки с рассеченным кругом АВП и острой, как клинок, V группы Вольтера, легко и светло улыбался и не скрывал постоянной готовности к насилию. Ради него отец Филипа явился на Палладу.

– Марко Инарос, – заговорил, раскрывая объятия, Розенфелд. – Ты смотри, что наделал, койо мис!

³ [У тебя] хорошо? (астерский сленг, в данном случае смесь немецкого и французского, в оригинале дается без перевода).

Марко бросился на грудь Розенфелду, раскрутился вместе с ним. Оттолкнувшись, оба замедлили вращение. Если Марко питал к Розенфелду недоверие, оно ушло. Нет, не ушло, а перешло к Филипу и Каралу, позволив Марко выразить незамутненную радость встречи.

– Хорошо выглядишь, дружище, – начал Марко.

– Врешь, – отозвался Розенфелд, – но я ценю комплимент.

– Помощь в доставке твоих людей нужна?

– Уже на месте, – сказал Розенфелд, и Филип, покосившись на Карала, заметил, как тот чуть скривил губы. Да, Розенфелд – друг, союзник из внутреннего круга Свободного флота, но это не значит, что ему позволительно без ведома Марко переводить на корабль личную охрану. Что ни говори, «Пелла» – флагман Свободного флота, а соблазн есть соблазн. Марко с Розенфелдом дружно протянули руки, остановив совместное вращение, зацепившись за ручки шкафчика, и, по-прежнему рука об руку, вытолкнулись во внутренний коридор. Филип с Каралом последовали за начальством.

– К Церере погоним во весь дух, иначе не успеть на встречу, – заметил Марко.

– Сам виноват. Я обошелся бы своим кораблем.

– Твой не вооружен.

– Ты всю жизнь обходился прыгунами.

Даже сзади, видя только отцовский затылок, Филип различил в голосе Марко улыбку.

– Это прежде была *вся* наша жизнь. Теперь играем по-другому. Высшему командованию нельзя без охраны. Даже здесь не все с нами. Пока – не все.

Они добрались до лифта, двигавшегося вдоль корабля, обогнули его и поплыли головами вперед к жилым палубам. Карал оглянулся на командную и боевую рубки, словно проверяя, нет ли за ними охраны Розенфелда.

– Чего мне ждать? – говорил Розенфелд. – Хороший солдатик, ми. Жаль, что Джонсон со Смитом добрались до Луны. Одно попадание из трех?

– Земля была важнее, – ответил Марко. Впереди появилась Сарта, проплыла мимо в сторону рубки, кивнула, разминувшись. – Земля всегда была главной целью.

– Ну, генеральный секретарь Гао отправилась к своим богам и, надеюсь, визжала, умирая. – Розенфелд изобразил плевок. – Но эта Авасарала, что заняла ее место...

– Из чиновников, – процедил Марко, подтягиваясь за поворот, в столовую команды. Привинченные к полу столы и лавки, запах марсианской армейской еды, раскраска в цветах вражеского знамени. Все это плохо совмещалось с занимавшими помещением людьми. Мужчины и женщины – сплошь астеры, но даже среди них Филип отличал сослуживцев из Свободного флота от охраны Розенфелда. Своих от не своих. Как ни изображай единство, все сознавали разницу. Всего здесь насчитывалась дюжина человек, одна смена. По человеку из команды «Пеллы» на каждого из розенфелдовских, так что не одному Каралу пришло в голову, что некоторая осторожность между друзьями не помешает.

Кто-то из охранников бросил Розенфелду грушу. Неизвестно, с чаем, виски или с водой. Розенфелд поймал, не прерывая разговора.

– Похоже, эта чиновница умеет ненавидеть. Думаешь, с ней справишься? Без обид, койо, но есть у тебя такая слабость – недооценивать женщин.

Марко застыл. При виде этой неподвижности Филип ощутил во рту вкус меди. Карал тихо крикнул, и, оглянувшись на него, Филип отметил выставленный вперед подбородок, незаметно сжатые кулаки.

Розенфелд устроился у стены, лицо его изображало примирительное сочувствие.

– Но об этом, пожалуй, здесь говорить не место. Прости, что задел по больному.

– Ничего у меня не болит, – ответил Марко. – Все это пережужим на Церере.

– Собрание племен, – усмехнулся Розенфелд. – Жду не дождусь. Дальнейшее будет любопытно.

– Будет, – согласился Марко. – Карал подберет тебе и твоим подходящие каюты. Держись в них. Разгон будет быстрый.

– Слушаюсь, адмирал.

Марко вытолкнулся из столовой, поплыл к мастерской и машинному залу, так и не встретившись глазами с Филипом.

Тот помешкал немного, не зная, сопровождать отца или остаться, свободен ли он или еще на посту. Розенфелд, усмехнувшись, подмигнул ему пупырчатым веком и отвернулся к своим людям. Что-то назревало: ощущалось в воздухе и в осанке Карала. Что-то важное. И судя по тому, как держался отец, это важное касалось Филипа.

Филип тронул Карала за руку.

– Что такое?

– Ничего, – неумело соврал тот. – Зря волнуешься.

– Карал?

Немолодой мужчина сжал губы, вытянул шею. На юношу он не смотрел.

– Карал... мне что, *у них* спрашивать?

Карал медленно покачал головой. Не надо спрашивать. Он нервно облизал губы, снова мотнул головой, вздохнул и тихо, сдержанно заговорил:

– Недавно пришло сообщение. Данные наблюдения с... э-э... с «Четземоки». О том, как уцелел корабль с Джонсоном и Смитом.

– И?..

– И... – тяжелее свинца обронил Карал.

И стал рассказывать, и так Филип Инарос прямо при Розенфелде и полудюжине его ухмыляющихся охранников узнал, что его мать жива. И что на «Пелле» об этом известно всем, кроме него.

* * *

Под перегрузкой он видел сон.

Он стоял у той же двери. Дверь с виду переменялась, но осталась той же. Он вопил, колотил в нее кулаками, рвался внутрь. Прежде в нем были страх, безмерная боль предстоящей потери, ужас. Теперь – только стыд. Ярость лизала его языками пламени, и он ломился в дверь, за дверь, не для того, чтобы спасти свое сокровище, а чтобы покончить с ним.

Он проснулся с криком. Тяжесть полной *g* вдавила его в гель. «Пелла» вокруг бормотала, дрожь двигателей и гул воздухопроводов нашептывали что-то неслышимое. Трудно было поднять руку, чтобы утереть слезы. Эти слезы выжала не печаль. Грустить ему теперь не о чем. Осталась только уверенность.

Есть человек, которого он ненавидит сильнее, чем Джеймса Холдена.

Глава 3. Холден

У жизни, в которой не приходится терпеть долгих допросов, есть свои достоинства. В этом смысле Холдену прежде жилось не так уж плохо. Когда он вместе с остатками команды «Росинанта» соглашался дать показания, можно было догадаться, что речь пойдет не только об атаке Свободного флота на Землю. Как-никак, тем для беседы хватало. Главный инженер станции Тихо, оказавшийся агентом Марко Инароса, похищение и спасение Моника Стюарт, утрата образца протомолекулы, едва не удавшееся покушение на Фреда Джонсона. И это только у него. Наоми, Алексу и даже Амосу было что добавить от себя.

Только вот он не ожидал, что вопросы будут распространяться, подобно газу, занимая все доступное пространство. Уже не первую неделю он от двенадцати до шестнадцати часов в сутки обсуждал свою жизнь целиком и полностью. Имена и биографии каждого из восьми родителей. Школьные успехи. Неудачная карьера во флоте. Что ему известно о Наоми, об Алексе, о Фреде Джонсоне. Его отношения с АВП, с Дмитрием Хэвлоком, с детективом Миллером. Насчет последнего он сомневался даже после многих часов воспоминаний. Сидя перед следователем в ООН в тесной комнатухе, Холден старательно разбирал и раскладывал перед допросчиком свою жизнь.

Он натер мозоли на языке. Вопросы перескакивали взад и вперед, ходили по кругу, словно его пытались поймать на вранье. Они упирались в странные тупички: «Назовите имена людей, с которыми вы служили во флоте. Что вам известно о каждом из них?» – и застревали там неоправданно долго. Поначалу его допрашивали высокая светлокотая женщина с длинным серьезным лицом по фамилии Маркова и тучный коротышка по имени Гленндинг с одинаково шоколадной кожей и волосами. Они сменяли друг друга, напирая и наскакывая, нарочно обрывая на полуслове, чтоб довести до срыва и услышать, что он наговорит сгоряча, и тут же переходя к навязчиво дружескому тону.

Ему приносили то жирные размякшие сэндвичи, то свежайшую выпечку с вкуснейшим кофе. Свет то приглушали до почти полной темноты, то усиливали так, что слепило глаза. Они то прогуливались с ним прыгуче-шаркающей лунной походкой по портовым коридорам, то застревали в стальной коробке комнаты. Холдену казалось, будто его личную жизнь выскребли до корки, как лайм в самом дешевом баре. Останься в нем еще капля сока, выжали бы и ее. Легко забывалось, что эти люди – союзники, что он сам согласился отвечать. Не раз, свернувшись на койке после утомительного дня, Холден ловил в полусонном мозгу планы прорваться в арестованный корабль и сбежать.

Не легче становилось и от того, что зависшая в темном небе Земля медленно умирала. Бюро новостей большей частью передислоцировались на станции Лагранж и Луну, но несколько еще действовали на планете. У Холдена между допросами и сном оставалось немного времени смотреть новости, но и случайных обрывков хватало через край. Перенапряжение инфраструктуры, поражение экосистемы, химические изменения в океане и атмосфере. На перенаселенной Земле раньше проживало тридцать миллиардов человек, и только огромная техническая сеть спасала их от голода и жажды, не позволяла утонуть в отходах. Треть населения, по оценкам пессимистов, уже погибла. Холден поймал несколько секунд дискуссии о связи изменений атмосферы над Западной Европой с уровнем смертности. По содержанию метана и трупных ядов в воздухе можно было предположить, сколько тел гниет в разрушенных городах. Понять масштаб катастрофы.

Отключая новости, он чувствовал себя виноватым. Мог бы, по крайней мере, посмотреть. Поприсутствовать при гибели экосферы, выносившей его, его семью и всех остальных не так уж много поколений назад. Земля заслужила внимание зрителей. Но он насквозь устал и боялся. Даже отключив новости, заснуть не мог.

Не все новости были плохими. К Холдену пробилось сообщение от матери Элис, что их ферма в Монтане, хоть и сильно пострадала, еще может прокормить его родителей. Она даже давала кое-какие излишки – в помощь спасательной миссии в Боземане. А облака песка с пеплом оседали и, отравляя океаны, позволяли все новым кораблям нырнуть в гравитационный колодец с гуманитарной помощью – и улететь обратно с беженцами.

Однако Лунная база уже вышла на грань физической вместимости. Восстановительная система работала на пределе, каждый глоток воздуха в ее помещениях уже побывал у кого-то во рту. Все общественные пространства, пищевые комплексы заставили койками и палатками. Команда «Росинанта», чтобы не занимать места, перебралась жить на корабль. В этом крылось не так уж много альтруизма. На корабле было тише, просторнее и привычнее. Вполне насладиться уютом не позволяли только тишина – реактор заглушили – и бродящее по кораблю привидение – Кларисса Мао.

– Почему она тебя так волнует? – спросила Наоми. Они делили каюту на двоих, искали в койке опору против урезанной лунной гравитации и усталости.

– Она много народу убила, – объяснил Холден. В сонном мозгу мысли путались. – Разве этого мало? По-моему, достаточно.

Свет они приглушили. Койка подалась под их сплотившимися телами. Наоми дышала ему в бок, знакомо, тепло, надежно. Голос у нее звучал так же глухо и сонно, как у него. Оба слишком устали, чтобы заснуть.

– Она уже не та.

– Похоже, все в этом уверены. Не знаю, с чего бы.

– Ну, Алекс, по-моему, еще сомневается.

– Но не Амос. И не ты.

Она глухо булькнула горлом. Глаз не открывала. Он даже в полумраке различал темные тени ее век – темнее лица. На минуту Холден решил было, что Наоми уснула, но та снова заговорила:

– Мне нужно верить, что она могла измениться. Что люди меняются.

– Ты такой не была, – возразил ей Холден. – Даже... даже когда гибли люди, ты не была такой. Хладнокровной убийцей.

– Как Амос...

– Да. Но Амос есть Амос. У меня в голове он другой.

– Потому что?..

– Потому что он – Амос. Он как питбуль. Ты знаешь, что он способен вырвать тебе глотку, но он тебе так беззаветно предан, что хочется его обнять.

Наоми медленно улыбнулась. Она это умела. Растянуть лицевые мускулы, переполнив Холдена теплом, и надеждой, и даже угрюмым оптимизмом: вселенная не полное дерьмо, раз в ней есть такие женщины. Он задержал ладонь у нее на бедре.

– Ты ведь меня полюбила не за твердость этических принципов, а?

– Несмотря на, – хихикнула она. И, после паузы: – У тебя была классная задница.

– Была? В прошедшем времени?

– Мне еще надо войти в систему, – сменила тему Наоми. – Не давай мне уснуть, пока я не проверю поступившие данные.

– О пропавших кораблях?

Она кивнула.

Как ни мучило его следствие, Наоми приходилось хуже. Она всегда молчала о прошлом, о том, как стала такой, какой стала. А теперь променяла личные тайны на амнистию для команды и для себя. Доставшиеся ей варианты Марковой и Гленндининга пытали не о неудачной военной карьере и не о контрактах с Фредом Джонсоном. Наоми была для них окном, выходящим прямо на Марко Инароса. Некогда его любовница, она оказалась пленницей на его корабле –

до и после того, как на Землю обрушился удар молота. Холден знал, как вымотал марафон допросов его. Ей было в тысячу раз труднее.

Потому-то, думал он, она и окунулась с головой в тайну пропавших кораблей. Наоми первой заметила, что множества кораблей, исчезнувших при переходе за кольцо и доставшихся Свободному флоту марсианских, не совпадают. Не все были похищены людьми Марко, некоторые пропадали без следа. Тут действовали две причины, а не одна, и Холден не мог винить Наоми, если она предпочла заняться второй.

И все же надо бы ей поспать. Хотя бы потому, что сам он уснет, только убедившись, что уснула наконец Наоми.

– Ничего не обещаю, – сказал Холден вслух.

– Ладно, – буркнула она. – Тогда разбуди пораньше, чтобы осталось время посмотреть до выхода на новый круг.

– Это обещаю.

Он лежал рядом с ней в темноте, пока дыхание у нее не стало размеренным и глубоким. Послушав его минут пять, Холден понял, что сам не уснет. Тогда он встал, и дыхание Наоми на миг прервалось, но в явь она не всплыла, снова задышала ровно.

В коридорах «Росинанта» тоже было темновато – корабль работал в ночном режиме. Холден дошел до лифта. Из камбуза доносились голоса: добродушное рокотание Амоса и тонкий, срывающийся голос Клариссы. Он постоял, прислушиваясь, и стал подтягиваться по трапу на палубу управления. При легком лунном тяготении глупо казалось пользоваться лифтом, он просто перебирал руками. В кабине пилота было темно, Алекс довольствовался светом монитора.

– А, привет, – протянул он, когда Холден опустился в кресло. – Не спится?

– Как видно, не заснуть, – вздохнул Холден. – А ты что?

– Ненавижу здешнюю гравитацию. Все кажется, что слишком медленно разгоняемся. Хочется усилить тягу, только тяги-то никакой нет, и никуда мы не летим. По мне, пусть меня прижимает к койке ускорение, а не этот булжник. – Алекс кивнул на экран, где крутились новости. Женщина в ярко-красном хиджабе серьезно обращалась к камере. Холден узнал уважаемую марсианскую журналистку, только имени не вспомнил. – Этому нет конца. Они это называют мятежом. Речь идет о забвении долга, дезертирстве и черном рынке оборудования.

– Звучит невесело.

– Веселее, чем раньше, – поправил Алекс. – Это тоже удар. Вроде гражданской войны, только вместо того, чтобы драться, каждый пятый военный смылся за кольца со всеми вещичками. Ну, с теми, что не продали поганцам из Свободного флота.

– Они хоть предупредили, что уходят?

– Не-а, – протянул Алекс. – Во всяком случае, об этом не передавали.

Женщина в хиджабе – Фатима Уилсон, вот как ее зовут! – пропала с экрана, теперь на нем сменялись пустые марсианские доки и кучки протестующих перед ними, орущих прямо в объектив. Холден не разобрал, против чего или за что они там выступают. При таких делах они и сами, пожалуй, не знали.

– Если вернуться, попадут под суд за измену, – продолжал Алекс. – Так что, думается мне, они в ближайшее время домой не собираются.

– Так, – подытожил Холден. – Удар по Марсу. Свободный флот растоптал Землю. Пираты потрошат колониетские корабли. Станция Медина отключилась. И еще новость что глотает проходящие сквозь врата корабли.

Алекс открыл рот, хотел ответить, но тут замигал и запищал его экран. Срочный запрос на связь.

– Чертовщина за чертовщиной, – проворчал пилот, – и спасибо еще, если не валятся пачками.

На экране появилась Крисъен Авасарала. Прическа волосок к волоску, сари отликает малахитом. Только в глазах и в складке рта видна усталость.

– Капитан Холден, – заговорила она, – мне нужно встретиться с вами и вашей командой. Безотлагательно.

– Наоми спит, – не успев обдумать ответа, выпалил Холден. Авасарала улыбнулась. Улыбка не была приятной. – Да, я ее разбужу. Сейчас будем.

– Спасибо, капитан, – отозвалась фактическая правительница Земли и отключилась. Молчание заполнило палубу.

– Заметил, что она меня не обругала? Ни одного грязного словечка, – сказал Холден.

– Да уж, заметил.

Холден глубоко вздохнул. – Это не к добру.

* * *

Конференц-зал располагался у самой поверхности Луны и выстроен был как школьный класс или церковь: возвышение у передней стены, ряды стульев напротив. Только возвышение сейчас пустовало, а дюжина стульев были кое-как составлены в круг. Авасарала села рядом с Фредом Джонсоном – главой станции Тихо и прежним представителем АВП. Место слева занял марсианский премьер-министр Смит, а справа – Бобби Драпер. И Смит, и Джонсон были без пиджаков, а усталыми выглядели все. Холден, Наоми, Алекс и Амос дружно устроились напротив, пара стульев с каждой стороны обозначили границу. Только когда все расселись, Холден заметил отсутствие Клариссы. Ему и в голову не пришло ее привести. Вызывали команду «Росинанта», а она...

Авасарала стукнула пальцем по ручному терминалу. Посреди круга высочила схема. Земля, Луна и станции Лагранж высвечивались золотом. Зеленым обозначилось кольцо кораблей, отсекавших и перехватывавших новые атаки Свободного флота. Отдельная схема рисовала внутреннюю часть системы: Солнце, Меркурий, Венеру, Землю и Марс с крупными станциями Пояса, такими как Церера и Паллада. Россыпь красных точек на ней походила на болезненную сыпь.

– Красные – это Свободный флот, – пояснила Авасарала. В натуре ее голос похрипывал, словно после приступа кашля. Холден не знал, от долгих переговоров или она надыхалась лунной атмосферой; мелкую пыль не задерживали никакие фильтры, так что воздух на станции пахивал порохом. – Мы отслеживаем их передвижения. Вот здесь – аномалия. Тут.

Она повозилась с терминалом, слив две схемы: одна при этом увеличилась, другая съехала, обозначив один и тот же участок пространства. Красные точки не соприкасались с планетами и станциями, плавали в великой пустоте, практически не подчиняясь орбитальной механике. Наоми подалась вперед, с усилием фокусируя взгляд.

Она слишком устала.

– Что он там делает? – Голос Наоми прозвучал достаточно чисто.

– Наводит на цель, – ответил ей Фред. – Позывные отключены, но, по-видимому, это старательский кораблик. «Лазурный дракон» с Цереры. Команда – радикалы из АВП.

– То есть, вероятно, подчиняются Свободному флоту. Который швыряется камнями? – Это сказал Холден.

– А координирует их вот этот засранец. – Авасарала устало пожала плечами. – Это предположение. А точно известно следующее: пока эти свиные рыла угрожают нам камнями, мы в ловушке. Наши корабли не могут тронуться с места, а с внешними планетами Марко Инарос может вытворять что его душе угодно.

Смит наклонился вперед и заговорил ровным, почти извиняющимся тоном:

– Если разведка Крисьен не ошиблась и этот корабль направляет атаки, он – первоочередная наша цель в Свободном флоте. Вы знаете, что полковник Джонсон, генеральный секретарь Авасарала и я формируем сводные экспедиционные силы? Это будет для них первым заданием. Захватить или уничтожить «Лазурный дракон», воспрепятствовать вражеским атакам на землю. Дать единому флоту вздохнуть чуть свободней.

Холден впервые услышал термин «единый флот». Звучание ему понравилось.

И не только ему.

– Вот дерьмо, – подал голос Амос. – А я тут наловчился ковырять пальцем в жопе.

– Пальца можешь не вынимать, – ответила Авасарала. – Но дальше будешь ковыряться в амортизаторе. «Росинант» не входит в состав флота, так что его можно отослать, не оставив дыры в обороне. А у вас, как я понимаю, осталась большая пушка...

– Килевая рельсовая, – ухмыльнулся Амос.

– ...Которая криком кричит о компенсации за маленький-маленький членик, но может оказаться полезной. Командующий экспедицией затребовал вас и ваш корабль, а из вас никто, кроме мисс Нагаты, и шлепка не стоит, так что...

– Стоп, – вмешался Холден. – Командующий экспедицией? Не пойдет.

Лицо Авасаралы застыло гранитом.

– Не пойдет?

Холден и глазом не моргнул, встретив ее взгляд.

– «Росинант» не подчиняется никому, кроме нас. Я понимаю, что собрана большая сила и действовать надо совместно. Но «Роси» – не просто корабль, он наш дом. Хотите нас нанять – отлично. Мы беремся за работу, мы ее сделаем. Но поставить над нами командира и заставить подчиняться его приказам – нет.

– Капитан Холден... – начала Авасарала.

– Я не торгуюсь. Просто говорю как есть, – перебил Холден.

Трое самых могущественных в Солнечной системе людей, главы трех сил, поколениями боровшихся друг с другом, переглянулись. У Смита брови полезли на лоб, министр беспокойно озирался по сторонам. Фред склонился к Холдену, всем видом показывая, как в нем разочарован. Только в глазах Авасаралы блеснула усмешка. Холден посмотрел на своих. Наоми скрестила руки на груди. Алекс вскинул голову и выпятил подбородок. Амос улыбался точь-в-точь как всегда. Единый фронт.

Бобби откашлялась.

– Это я.

– Что еще? – не понял Холден.

– Это я, – повторила Бобби, – команду экспедиционными силами. Но если вы действительно отказываетесь...

– О, – проговорил Холден. – Нет. Нет. Это другое дело.

Алекс протянул «ага», а Наоми развела руками. Бобби расслабилась.

– Что ж вы сразу не сказали, Крисси? – брякнул Амос.

– Отвали на хрен, Бартон. Я как раз собиралась.

– Ну, Бобби, – спросил Холден, – как ты собираешься за это взяться?

Глава 4. Салис

– Стоп-стоп-стоп, – орал Салис в микрофон скафандра.

Основание рельсовой пушки имело десять метров в поперечнике, форму неправильного шестиугольника и массу небольшого корабля. По его команде полдюжины строительных маневровых, выстроившихся вдоль этой громады, выстрелили в пустоту реактивной массой. Калиброметр на мехе открылся к нулю; невидимое глазу движение громадины прекратилось. Они вместе плыли в пустоте: нечеловечески огромное оружие, слабо мерцающая станция чужаков и Салис в растопырившемся, как паук, желтом строительном мехе.

– А ква, койо? – спросил в ухе мастер их участка Якульский.

– Считаваю дрейф, – отозвался Салис, поводя лучом лазера по орудию и гнезду для него. Непростая работа: опоясать станцию чужаков тремя широкими полосами керамики, карбосиликатного кружева и стали. Сейчас все это выглядело огромным голубым шаром с тремя резиновыми ленточками, пересекающимися под нужными углами. На скрещении топорщились башни рельсовых пушек. Просверлить чужую станцию не удалось. И сварка не подошла – ее поверхность не плавилась. Единственный способ что-то прикрепить к этой штуковине – это обвязать ее ленточкой.

– Кве мас кве? – спросил Якульский.

– Плюс одна минута десять секунд по z , минус восемь секунд по y .

– Савви⁴, – подтвердил Якульский.

Маневровые пушки заплевались, ускоряя и тормозя. Небо вокруг испещрили врата – угрожающе правильный узор тринадцати сотен ярких пятнышек, пустых и голых. Кроме них, виднелась только станция Медина, причем так далеко, что Салис мог бы одним пальцем заслонить всю конструкцию: барабан, дюзы и командный отсек. Они до сих пор говорили: медленная зона. Противоестественное ограничение скорости отменилось, но имя есть имя, а в этом выразилось ощущение странности и обреченности. Салис большей частью работал внутри Медины. Выходить в вакуум приходилось нечасто, но все равно ему это не нравилось. Он то и дело отрывался от работы, оглядывался в черную пустоту. Только к концу первой недели Салис сообразил, что ищет глазами Млечный Путь – и все оглядывается, не находя.

– Бист бьен? – спросил Якульский.

– Момент... – Салис еще раз прошелся измерительным лазером. Взглянул вдоль огромного ствола, пока мех цеплялся к его обшивке и гнезду. Те немногие рельсовые пушки, что довелось повидать Салису, делались из титана с керамикой. Эти новые материалы, присланные Дуарте из-за врат Лаконии, – то еще новшество. Дело было не только в радужном отливе «кружевной» карбосиликатной обшивки. Сердечники и лишенный трения подающий механизм тоже были... странноваты.

Элегантное техническое решение, что и говорить. Но ведь это просто магнитные направляющие, питаемые, как и корабль, ядерными реакторами. И свое дело они делали, но вот складывались как-то не так, словно их не столько произвели, сколько вырастили. Была в них неуклюжая красота, наводившая Салиса на мысль не о машинах, а о растениях. И не только в новых материалах дело. С тех пор как кольца врат взмыли с Венеры, новшества появлялись одно за другим. Причина в масштабах. И еще в чем-то.

Измерительный лазер выдал ответ.

– Бьен, – сказал Салис. – Ставьте бандуру на место.

Якульский промолчал, но маневровые заработали. Салис совмещал гнездо и основание, снимая замеры вручную. Обычно он оставлял такие дела системе меха, но с новыми материа-

⁴ Знаю, понял.

лами лазеру случалось ошибиться. А хотелось действовать наверняка. Станция с самого открытия врат вела себя тише камня, но это не значило, что она не отзовется на грохот гигантской машины.

Установка конструкции заняла бо льшую часть смены, но в конце концов все встало на место. Башня погасила остаток инерции. Гнездо сомкнулось, неприятно напомнив медленно обхватывающие гигантскую соломину губы.

– Отхожу, – сообщил Салис.

– Клар а тест⁵, ты?

– Минуту. – Салис оттолкнулся от станции, поплыл в пустоту, где ждали, пристегнутые к своим мехам, Робертс и Вандеркост. Маневрируя двигателями меха, он уравнивал с ними скорости и обернулся посмотреть на свою работу.

Робертс хмыкнула по общему каналу связи.

– Визе са бактер⁶, – заметила она. И была права. Растопырившая пушки по всем трем осям станция в самом деле напоминала увиденную в микроскоп бактерию. Или макровирус. Или скромный стрептококк.

– На месте, – доложил Салис. – Клар а тест.

– Три, – отсчитал Якульский, – два, один...

Рельсовая пушка заворчалась в гнезде, словно просыпаясь. На миг почудилось, что она раскачивается, как тростник под эфирным ветром. А потом защелкала, переключаясь с позиции на позицию, мелькая в глазах, как ножки насекомого. Она прошла по кругу, взяв на прицел каждые из врат в своем секторе. По их расчетам, все врата просматривались как минимум для двух пушек, а бо льшая часть попадала в сектора обстрела трех. Салису доводилось видеть изображения старинных земных фортов над морем. Раньше эти плоские картинки ничего ему не говорили – но здесь было то же самое. Эти пушки будут вечно защищать станцию Медина от вторжения. Что-то шевельнулось в груди – он сам не знал, гордость или ужас.

– Бьен, – сказал Якульский. Салису показалось – чуть ли не с удивлением. Как будто бригадир ждал, что пушка оторвется и закувыркается в пустом небе. – Отойдите, будем стрелять.

– Отходим, мы, – отозвался Вандеркост. – Только в нас не пали, са-са?

– Если попаду, дайте знать, – хмыкнул Якульский.

Ему легко смеяться. Он-то там, а не здесь. Хотя эти пушки могут обратиться и на Медину. Они трое оттянулись на пятьдесят километров, перевернулись и еще пятьдесят тормозили. Темнота нервировала. Дома, по ту сторону врат, так темно не бывало. Там всегда светили солнце и звезды.

– Стабильно на месте, – сообщила Робертс. – Хаст ду отметил нас как своих?

– Дуи. Если выпалит в вас, значит, что-то не так. Задаю цель, – ответил Якульский. Салис дал на мехе увеличение. Искусственными цветами высветилась станция чужаков. С такого расстояния он видел сразу три из шести пушек. – Датчики бист бьен. Выстрел через три, два, один...

Пушка выплюнула облачко пара – заряженный газ мгновенно расширился в стволе, добавив снаряду скорости. Мех Салиса вздрогнул, даже на таком расстоянии задетый магнитным полем пушки. Снарядов Салис не увидел. За то время, пока резкий щелчок отдачи дошел от рации до ушей, вольфрамовая болванка уже улетела в мишень врат. Или в невообразимое непространство между ними. Искусственные цвета на дисплее подернулись рябью, как будто до воды, в которой плавала станция чужаков, дотронулась чья-то рука. Рябь погасла, не сомкнув кольца вокруг станции.

⁵ Можно испытать?

⁶ Выглядит как бактерия.

– Ла кве вист?⁷ – спросил Якульский.

– Ничего, – отозвался Салис. – На вид нормально. Ту?

– Только свечение станции, – ответил Якульский. При любых испытаниях станция отзывалась на выстрелы рельсовых пушек только дождем фотонов.

– Больше ничего?

– Ничего.

– Дрейф?

– Нет дрейфа.

Это они и хотели проверить. Величина и мощность рельсовой пушки создавали сложности даже при ее установке вдоль киля корабля. А на башнях, как у них, она должна была испытывать обычную оружейную отдачу, удаляясь от мишени с такой скоростью, что поди потом излови.

Только не на станции.

Неизвестно, что сотворили чужаки, как избавились от закона действия и противодействия, только весь выброс энергии отзывался лишь неярким светом, а обратного толчка от выброшенной массы будто и не было. Тем не менее Салису не очень-то хотелось возвращаться для проверки гнезд и оснований.

– Слышал, что Кэсил говорил? – спросил Вандеркост. – Про то, почему она не отзывается на толчки?

– Нет, – ответила ему Робертс.

– Говорил, что она-то отзывается, только вместе с ней сдвигается все пространство кольца, вот мы и не замечаем.

– Псих твой Кэсил.

– Си ай.

– Нам возвращаться? – спросил по рации Салис.

– Момент, – попросил Якульский и после паузы добавил: – Бьен. Разрешаю. Тус ауген⁸ держи открытыми, вдруг что не так.

«Не так» могло означать трещины в обшивке, а значит, протечку резервуаров с жидкостью, а значит, неполадки в реакторе или подаче снарядов.

И еще – что на них смотрят древние боги. Если не кто похуже.

– Савви. – Салис проверил свои маневровые. – Заходим.

Три меха сдвинулись с места, направляясь к станции. Медина плыла по правую руку: застывший конус дюз, вращающийся барабан. Салис взглянул мимо нее, будто искал там знакомое лицо, но звезд не было.

* * *

Солнцем внутреннего барабана Медины служила светящаяся полоса, протянувшаяся по оси вращения от центра управления до самой машинной палубы. Она давала полный спектр, заливавший изогнутые поля и плавно изгибавшееся озеро – мир, предназначавшийся когда-то, чтобы донести правоверных мормонов до звезд. Салис сидел в открытом баре вместе с Вандеркостом и Робертс, попивал пиво и закусывал белыми шариками со вкусом порошкового творога с грибами. Ландшафт за спиной и впереди, загибаясь вверх, таял в сиянии солнца. Направо и налево барабан вращался по продольной оси, давая гравитацию чуть меньше лунной. Мягкий ветерок, трогавший ему затылок, дул, как всегда, по вращению.

⁷ Как смотрится?

⁸ Свои глаза.

Мальчиком Салис повидал большой пещерный зал на Япете. Он гулял под фальшивыми небесами Цереры. Но барабан Медины представлялся ему самым похожим на Землю, какой она была до падения камней: вольная атмосфера над головой и тонкая кора поверх мантии, отделяющая от расплавленного ядра. Сколько раз он здесь бывал, а все равно выглядит экзотикой.

– Опять разлетались, – проворчала, щурясь против света, Робертс.

Салис задрал голову. Силуэтами на ярком фоне плыли, растопырив руки и ноги, пять тел. Выглядело это так, будто они взлетели откуда-то сзади и по дуге уходят вверх вместе с полями сои и маиса, хотя на самом деле висели неподвижно. Месяцев пять назад какой-то молодой оболтус рассчитал ускорение, позволявшее уравновесить центробежную силу и невесомо зависнуть в воздухе. Неплохое развлечение, лишь бы они не приближались к искусственному солнцу и не сбили ускорение до посадки.

Со стороны машинной палубы к летунам устремились две полосы пара. Салис указал на них.

– Охрана их взяла.

Вандеркост покачал косматой башкой.

– Тон муэртас.

– Молодые, глупые. Но, как говорил Руми, «фихи ма фихи»⁹. – В голосе Робертс звучало сочувствие – но она и годами была ближе к летунам-правонарушителям. – Ты от рода трезвее камня, кве?

– От рода уважаю чужие права, – возразил Вандеркост. – Моя дурь только меня убьет.

Робертс, сдавшись, пожала плечами. На кораблях – настоящих, летавших по нужную сторону врат – безопасность среды была важнее всего. Перепроверяй все, что уже перепроверил, чисти даже то, что прочищено. Скорость и свобода быстро приводили к смерти, и не только тебя, твою семью и команду заодно. Что-то в больших станциях – таких как Церера, Гигея, Ганимед, а теперь и Медина – словно давало ребятишкам лицензию на глупость. На безрассудство.

Стабильность, подумалось Салису. Такой огромный барабан что-то меняет у людей в головах. Ему и самому казалось: такую здоровенную штуковину не поломаешь. И ничего, что на самом деле барабан не так уж велик. Что сломать можно все что угодно. Даже Землю сломали. Вести себя так, словно риска не существует, – значит всех подвергать опасности.

И все равно он немножко жалел задержанных безопасниками ребятишек. Дети есть дети. Для детства тоже где-то должно быть место. У марсиан было. И у землян. Одни астеры столько поколений расплачивались жизнью за первую же глупость, что запретили детям играть.

Он прищурился против света. Безопасники с летунами направлялись к поверхности, туманный след реактивных ранцев расширялся, на спуске плавными спиралями обходя солнце.

– Жаль, – буркнул Вандеркост.

– Слыхали, – спросила Робертс, – что в секторе F опять душевые не работают?

– Аллес в проекте для полной g, – отозвался Вандеркост. – И с полями та же история. Не просыхают как следует. Раскрути барабан, как лос мормонс задумывали, все заработает.

Робертс засмеялась.

– Все, кроме нас. Расплющит нас.

– Надо с этим что-то делать. – Вандеркост жевал шарик творога.

– Мы и делаем. Все будет работать, – сказал Салис. – Такой роскошный корабль – если мы его не наладим, значит, мы его не заслуживаем.

Он допил пиво и встал, жестом спросив, не хочет ли кто из собеседников добавки. Вандеркост захотел, Робертс нет. Салис по земле прошел к бару. «И вот это тоже, – думал он. – Рас-

⁹ Что есть, то есть.

тения, ложное солнце, ветерок, пахнувший листвою, перегноем, молодыми побегими». В барабане Медины он впервые ступал по настоящей почве. Не по слою пыли и грязи – этого везде хватало, – а по почве. В чем разница, Салис не знал, но разница была.

Бармен заменил Салису грушу на полную и добавил вторую для Вандеркоста. Вернувшись к столу, Салис обнаружил, что разговор перешел с летунов на колонии. От одного до другого один шаг. Те и эти рискуют по-глупому.

– Альдо рассказывал, что из врат Иерусалима опять грозятся, – говорила Робертс. – Мол, шлите им сердечники для реакторов, не то сами возьмут.

– Попробуют, нарвутся на сюрприз. – Вандеркост взял у Салиса свежую грушу. – Пальнем из пушки, и аллес ла в прошлом.

– Возможно, – сказала Робертс и закашлялась. – Но мы могли бы и послать, а?

– Чего ради? – осканился Вандеркост.

– Им нужны, а у нас есть, – объяснила Робертс.

Вандеркост презрительно отмахнулся. «Кому какое дело, что им нужно». Однако что-то в интонациях Робертс зацепило внимание Салиса. Она как будто чего-то не договорила. Поймав взгляд ее темных глаз, он вопросительно вздернул подбородок. Недосказанные слова потянули ее голову вперед – вышло вроде кивка.

– Могли бы помочь, стоит захотеть. Почему нет, си но? Почему нет, мы ведь уже не то, чем были, мы, – договорила она. Вандеркост помрачнел, но Робертс продолжала: – Мы это и сделали. Мы. Сегодня.

– Кве сделали, мы? – грубовато переспросил Вандеркост. Но Робертс, если и расслышала резкость тона, останавливаться не пожелала. Глаза у нее блестели, будто от слез. Слова хлынули, как вода из лопнувшего шланга.

Поток бил струей, слабел, снова лился с напором.

– Так всегда, стоит нам найти место. Церера, Паллада, большие Лагранжа, те, что так и не построили. Ми тиа мечтала про станцию для всех астеров аллес. Столицу в пустоте. И вот она. Астеры ее построили, астеры и живут, астеры ее питают. И с *нашими* пушками она наша навсегда. Сегодня мы сделали ее своим домом. Главное – не домом, а нашим. Для всех нас. Еса эс теперь родина. Мы втроем ее такой сделали.

Слезы стекали у нее по щекам – медленно, на одной шестой *g*. Она светилась радостью, словно огонь просвечивал сквозь кожу. Салису стало неловко. Это как смотреть, когда человек мочится, – неуместно и неправильно. Но стоило отвести взгляд, вокруг раскинулся барабан. Поля, почва, Земля, щурящаяся на него с неба.

Он провел на Медине пятнадцать месяцев. Ни на одной станции не задерживался так долго. Он был здесь, потому что Марко и Свободному флоту понадобились здесь люди. Зачем, он не задумывался, просто нутром чуял, что он больше АВП, чем сам АВП, и что в этом – цель Свободного флота. Сейчас он, пожалуй, уловил, что за этим стояло. Не вечная война. Место для жизни.

– Родина, – осторожно, словно слово было стеклянным и грозило, если неловко нажать, изрезать губы, выговорил он. – Благодаря рельсовым пушкам.

– Потому что она наша, – поправила Робертс. – И теперь они не сумеют отнять.

Салис ощутил что-то в груди, попробовал разобраться, что это. Гордость, решил он. Это была гордость. Он попробовал улыбнуться и обратил улыбку к Робертс. Та ухмыльнулась в ответ. Она права. Это – место. Их место. Как бы там ни было, у них есть Медина.

Вандеркост передернул плечами, щедро отхлебнул из груши и рыгнул.

– Бессе нам, – сказал он. – Только знаете что? Если они отберут, то нам уж ни хрена ее не вернуть.

Глава 5. Па

– Ничему я здесь не верю, – сказала Мичо Па.

Жозеп, зевнув, приподнялся на локте, глянул на нее сверху. Он был красавчик с червоточинкой. Волосы носил длиннее, чем водилось на корабле, но до плеч не отращивал. Седина лишь блестками на черном. Десятилетия огрубили ему кожу, а история жизни была выписана чернилами: татуировка на шее – рассеченный круг АВП, а позже ее перекрыл вздетый кулак давно распавшейся группы радикалов. Вычурный крест на плече записал припадок религиозности, оставшись и тогда, когда вера рухнула. Фразы вдоль предплечий и на боку: «Воды больше нет, теперь огонь», «Любить – значит видеть в любимом замысел Бога» и «Олюм и чума пас пас фовос» – рассказывали, кем он побывал в жизни. О прежних его инкарнациях. Отчасти поэтому Па ощущала с ним такую близость. Она была на десять лет моложе, но тоже прошла не одну инкарнацию.

– Где – здесь? – спросил он. – Много чему верить не приходится.

– В призыве Инароса к кланам, – пояснила она, перевернувшись и стянув при этом одеяло на себя. Не то чтобы Па стеснялась наготы, только теперь, завершив соитие, она готовилась перейти к более официальным отношениям. Или чему-то вроде. Жозеп заметил и молча переключился от роли одного из мужей к роли старшего механика. Скрестил руки на груди и прислонился к стене.

– Ты про совещание или про человека? – уточнил он.

– И то и другое, – ответила она. – Что-то не так.

– Раз ты говоришь, я верю.

– Понимаю. У меня каждый раз так. Стоит койо наверху изменить планы, и я уже вижу в нем очередного Ашфорда. Или следующего Фреда, чтоб его, Джонсона. Это в меня въелось.

– Так. Что не значит, будто ты не права. Что у тебя в мыслях?

Па подалась к нему, пожевала губу. Мысли в голове тыкались, как слепые рыбы, в поисках слов для себя. Жозеп ждал.

По условиям их кетубы¹⁰, в групповом браке состояли семеро. Они с Жозепом, Надя, Бертольд, Лаура, Эванс и Оксана. Все сохранили за собой прежние фамилии и составили ядро команды «Коннахта». Другие члены команды приходили и уходили, уважая ее власть капитана, справедливость ее слов и то, что она не заводила любимчиков, но понимая, что основа команды – ее семья и угрозы семье Па не потерпит. Обычай разделять семью и команду принадлежал внутренним планетам, служа еще одним примером подсознательной предубежденности, из-за которой земляне и марсиане на борту оказывались угрозой кораблю. Для них корабль не был настоящей жизнью.

Для них за закрытым шлюзом вступали в действие иные законы – даже если внутренки слишком плохо знали себя, чтобы это осознавать. Для астеров такой разницы не существовало. Мичо слыхала, что это называли «доктриной Одного Корабля». Существует один корабль, состоящий из множества частей, как одно тело состоит из множества клеток. «Коннахт» был такой частью, как и все приданные ему кораблики: «Паниш», «Солано», «Андорская волшебница», «Серрио Мал» и еще дюжина. А ее флот составлял часть Свободного флота – огромного организма, в котором информация от клетки к клетке передавалась по направленному лучу и по радио и каждая клетка поглощала пищу и топливо, продвигаясь по своему пути между планетами, как большая рыба в океане неба.

¹⁰ Кетуба – иудейский брачный контракт.

Некоторые толкования причисляли к одному кораблю и землян с марсианами, но тут Па всегда вспоминались раковые опухоли и аутоиммунные нарушения, на чем сравнение и увядало.

Но сейчас у нее были причины о нем вспомнить.

– С координацией у нас плохо, – заговорила она, пробуя слова на вкус. – Если ногой толкаешь, так и рукой добавляй. В одно движение. А у нас не так. Инарос с военными. Санджрани с финансами. Розенфелд с производством и проектами. У нас... мы пока не едины.

– Для нас все это внове, – заметил Жозеп. Фраза могла бы прозвучать возражением, отговоркой. У него она стала поддержкой. Он помогал ей разобраться в мыслях.

– Возможно, – признала она. – Трудно сказать. Может, нам и положено быть марионетками на ниточках от «Пеллы». Сам решил, и все мы прыгаем.

Жозеп пожал плечами, прищурил ласковые глаза.

– Он дает. Корабли, топливо, оружие, двигатели. Он исполнил, что обещал.

Мичо почувствовала в его тоне мягкий вызов – именно то, что ей требовалось.

– Он сделал то, что обещал, по его словам. На деле все не так хорошо. Джонсон жив. Смит жив. От Ганимеда добились только нейтралитета. В Землю продолжаем швырять камни, а на скорую капитуляцию надежды нет.

Сколько обещал – а в тарелке пусто.

– Таковы политики, иммер и всегда. На «Хорнблауэре» и других вроде него можно продержаться годы. Это наше дело. Добывать для всех еду, воздух, снаряжение. Дает нам шанс создать Пояс не под чужим сапогом.

Па, вздохнув, почесала коленку – ногти скользили по коже с сухим шорохом, как по песку. Щелкнул и загудел восстановитель воздуха. Палуба подрагивала от тяги, прижимавшей двоих к койке.

– Да... – сказала она.

– Но?..

– Но, – повторила она и тем ограничилась. Ее беспокойство не укладывалось в слова. Может быть, слова придут со временем, а может, она успокоится, так их и не выгов орив.

Жозеп подвинулся и кивнул на амортизатор.

– Хочешь, останусь?

Па задумалась. По доброте могла бы согласиться, хотя на самом деле, с кем бы она ни делила свое тело, спать предпочитала в одиночестве. Улыбка Жозепа говорила, что он готов к любому ответу. Отчасти и за это она его любила. Он склонился к ней, поцеловал в лоб под волосами и принялся натягивать тренировочный костюм.

– Может, чаю?

– Едва ли, – отказалась она.

– А надо бы.

Он редко бывал так настойчив.

– Хорошо.

Мичо скинула одеяло, обтерлась и тоже натянула одежду. В дверях камбуза марсианской канонерки она прислонилась к его плечу. Что ни говори, никого из команды здесь не было. Только Оксана с Лаурой приканчивали грибной соус из миски. Своя семья. Жозеп выбрал другую скамью, и она заодно с ним устроилась чуть поодаль от жен. Оксана над чем-то засмеялась. Лаура коротко съязвила – но без горячности. Слов Па не разобрала.

Жозеп натянул по груше чая для них обоих и сел рядом в дружеском молчании. Она сделала глоток, и терпкая горечь чая, смешавшись с усталостью от секса, сняла тревогу, которой она и не замечала. Услышав ее вздох, Жозеп поднял бровь.

– Да, – признала Па, – умница ты. Этого мне и доставало.

Он шутливо раскланялся и стал серьезным.

– Что я думаю? Насчет координации?

– Не стоит, – сказала она, но Жозеп продолжал:

– Тебя предавали люди, которым полагалось тебя вести. Джонсон, когда мы были в АВП. Ашфорд на «Бегемоте». Окулярки с союзом. Потому мы и стремились к независимости, так? Только независимыми мы не стали. Теперь мы Свободный флот, потому что поверили Инаросу. Не ты одна. Мы.

– Ты прав, – сказала Па. – Может, я отталкиваюсь от того, что было. А надо бы отпустить прошлое.

– Не стоит отпускать то, что сделало тебя умней, – возразил он. – Вселенная не пожалела времени, чтобы тебе кое-что втолковать. Ты догадалась об этом задним числом.

Может, все, что было, готовило тебя к тому, что есть.

Комок в груди у Па стянулся еще туже.

– Ты тоже ему не доверяешь.

– Я-то? По мне судить не приходится. Я и Господу не доверяю.

– Такого мистика, как ты, на свете не бывало, – съязвила Па, впрочем, смягчив шутку смехом.

– Знаю. – Жозеп покачал головой. – Я не пророк, а сплошное недоразумение. Но... – он поднял палец, – тебя я знаю. И знаю, что ты из тех, кто притворяется, будто не знает того, что знают, лишь бы обошлось без трений. Так что если говоришь себе, что, может, и ошибаешься, что все в порядке, лучше перепроверь, точно ли в порядке. Если вселенной нужен нож, она его делает.

И нет острее тебя, ты.

– А если окажется, что вселенная – просто свалка элементов и энергий, толкошащихся, пока свет не по гаснет? – Тогда ищи порядок, чтобы не участвовать в общей свалке, – посоветовал он. – И скажешь мне, если *сам* впишется в схему. Ты видишь лучше меня.

– Сомневаюсь, – протянула она, но ухватила за его руку. А он – за ее. Чуть помедлив, к ним подседа Лаура, а потом и Оксана. Разговор перешел на более мирные темы: о том, в чем марсианские корабли уступают астерским, о добыче с «Хорнблауэра», согласно списку Кармонди. О работах на «Коннахте». Но стянутый под ребрами комочек никуда не делся и напоминал, что не все хорошо.

В каюту она вернулась одна. Упала на гелевую койку, натянула на голову одеяло и увидела во сне большое и хрупкое существо, плывущее в глубинном океанском течении, – только море состояло из звезд, а существо – из кораблей, и среди них был ее корабль.

* * *

Революция слишком велика, чтобы обойтись одним счетом. Восстание на Церере – или падение Цереры, по терминологии внутряков, – стало предвестником Марко Инароса со Свободным флотом. Задним числом гибель водовозного суденышка виделась мелочью, которая никак не могла привести к противостоянию Земли и Марса, – однако привела. Стоило давним угнетателям Пояса нацелить стволы друг на друга, АВП, воспользовавшись своим шансом, захватила портовый город пояса астероидов.

Никто тогда такого не предвидел. Земля с Марсом рано или поздно разберутся, и тогда Церере конец. Андерсон Доуз, ставший де-факто властителем станции, лишится захваченной власти и либо переметнется к другим заговорщикам, либо станет мучеником, погибшим за правое дело. Любая автономия в космосе была недолговечна.

Только Церера удержалась.

Катастрофа на Ганимеде и разоблачение затеи Мао-Квиковски с протомолекулой полностью отвлекли наличные силы. Потом на Венере проклюнулось нечто великое и таинственное,

создавшее первые врата. К тому времени, как «Бегемот» с представителями Земли и Марса отправился исследовать их, вызвав великие и сложные последствия, Доуз соткал целую паутину связей. Ни лунные и марсианские корпорации, ни станции Лагранж, ни Пояс, ни луны Юпитера – никто не мог себе позволить на годы прервать торговлю, дожидаясь, пока прежние власти отвоюют порт. С тех пор как шумеры оттиснули в глине первый контракт человечества, временные договоры не раз оказывались столь долговечными, что их переставали замечать.

А когда за вратами открылись *врата* и человечество хлынуло к новым солнцам и планетам, нашлись деньги и силы, заинтересованные в том, чтобы на Церере все осталось как есть. Андерсон Доуз знал, кого подмазать и где сговориться, чтобы порт не простаивал.

Долгие, осторожные переговоры привели к тому, что статус мятежника забылся. Доуз стал уважаемым политиком, а станция Церера – первым астерским городом – как раз в подходящий момент, когда никому не было до нее дела.

А потом объявился Свободный флот и пинком сбросил в прибор старательно возведенный песочный замок. А Доуз, как всякий политик, учитывал расстановку игроков и сил, возможности и вероятности. Забылось, что восстание на Церере было торжеством приспособленчества и политической ловкости, – восстание стало предвестником Свободного флота. Доуз смирился с новым взглядом на себя и свою станцию. Выбрал, на какой он стороне, – так же, как и Па.

Сейчас он встречал ее у сходней «Коннахта». Гравитация вращения станции удерживала корабль в креплениях.

Даже при перебоях с питанием инерция не позволит ему сорваться в черную пустоту. И все же Па неохотно оставляла корабль. Считала это ненужным риском.

– Мичо, – просиял Доуз, беря ее за руку. – Рад видеть вас во плоти.

– И я рада.

Она покривила душой. Доуз слишком долго пробыл верным союзником Фреда Джонсона – и еще не отмылся от вони. Но Па принимала его как неизбежное зло. Может быть, настанет день, когда его помощь Поясу перевесит старые дела. Доуз кивнул в сторону электрокарта с двумя полицейскими в легкой защите.

– Я арестована? – шутливо предположила Па.

Доуз хихикнул, направляясь к тележке.

– С тех пор как стали падать камни, меры безопасности все усиливают, – объяснил он. Его изрытые угревой сыпью щеки натянулись, лицо помрачнело. – На Церере миллионы жителей. И не все довольны положением дел.

– Были проблемы? – спросила Па уже у кара.

– Как же без проблем? – Помолчав, Доуз добавил: – Но сейчас их больше обычного.

Тележка, дернувшись, покатила по широкой эстакаде внутрь станции. Липучки шин, проворачиваясь, шипели и пощелкивали. Па оглянулась на причал с «Коннахтом». Возможно, стоило захватить с собой собственную охрану. Все люди Кармонди остались на «Хорнблауэре», но Бертольд и Надя прошли боевой тренинг. Теперь уже поздно.

Администрация располагалась на ближайшем к поверхности уровне, здесь меньше всего проявлялась сила Кориолиса. АВП, взяв власть, поработала над старыми тоннелями и коридорами, но все равно в них пахло древностью. Доуз пытался развлечь гостью легким, незначительным разговором и преуспел – знал свое дело. Если они и впрямь обсуждают, в каком ресторане лучше готовят колбаски под черным соусом и как влияет на религиозные песнопения проходящий в том же зале фестиваль радж-музыки, значит, ситуация на станции не так уж опасна. Мичо понимала, что это иллюзия, и все равно была ему благодарна. О причине, что привела ее сюда, они не вспоминали. И имени Инароса не называли.

Совещание проходило в саду на административном уровне. На просторных сводах потолка полным спектром сияли светильники. Чертов плющ оплел стены и опоры, папорот-

ники расправляли широкие листья, словно цапли на взлете. В воздухе пахло гидропонной зеленью, едой и вином. Она еще из-за поворота расслышала высокий, гибкий голос Санджрани. «Без основательного учета базы удобрений на каждой станции нелегальные вбросы обрушат азот как валюту». Все та же песня на новый лад. Доуз тронул ее за локоть, кивком указал на тропинку между фонтанчиком и вьющимся папоротником. Вот они и на месте. Пятеро лидеров Свободного флота. Нико Санджрани больше похож на пожилого торговца, чем на главного экономиста расцветающей империи. Розенфелд Гаолян с темной пупырчатой кожей и слишком уж легкой улыбкой – командующий вторым флотом и царь промышленности. И, в плетеном из тростника кресле, Марко Инарос, стоящий за спиной у каждого.

Победа пришла к нему к лицу. Волосы струились по плечам, держался он со звериной непринужденностью. Когда Марко встал навстречу ей и Доузу, Мичо почувствовала, как его радость отзывается у нее в сердце. Что ни говори об этом человеке, с таким обаянием можно убедить змею поделиться ядом. Па подозревала, что именно этот дар позволил ему торговаться с марсианами за их же корабли и оружие, заполучить материалы, на которых строилась революция. Кроме них пятерых, здесь был только сын Инароса – тощий юнец с безумными глазами, Филип. Па постаралась не слишком всматриваться в парня. Рядом с ним ей делалось не по себе, и связываться не хотелось – проще не замечать.

– Вот и ослепительная Мичо Па! – провозгласил Марко. – Превосходно. Все собрались. Основатели нации.

– Статистику по новым приобретениям доставили? – перебил Санджрани, не замечая или не желая замечать, что испортил Марко выступление. – Мне нужна полная сводка.

– Кармонди делает, – ответила ему Па.

– Только поскорей.

– Ник, мой мальчик, – вмешался Розенфелд. – Не груби. Ты бы сперва поздоровался с капитаном Па.

Санджрани хмуро скосился на Розенфелда, затем на Инароса и только потом повернулся к Мичо, коротко кивнул:

– Привет.

– Итак, внутренний круг в сборе, – заговорил Доуз. – Может быть, пора услышать, что свело нас здесь? Не скажу, что не рад встрече, однако...

Марко улыбнулся, а его сынок, стоявший за плечом, потянулся к кобуре с пистолетом.

– Мы разбили Землю и укротили Марс. АВП Джонсона во всей красе проявил себя сбродом коллаборационистов. Все поставленные нами задачи выполнены. Пора переходить с третьей стадии.

«Все задачи выполнены, только вот Смит и Фред Джонсон живы», – подумала, но не сказала Па. Другие, впрочем, промолчали не об этом.

Доуз первым подал голос, легко, по-приятельски заметив:

– Не знал, что ты запланировал и третью стадию.

Ухмылка Марко могла выражать гнев или радость, ярость или самодовольство.

– Теперь знаешь, – сказал он.

Глава 6. Холден

- Хочется говорить шепотом, – пожаловался Холден. – И ходить на цыпочках.
- Невесомость, – напомнила Наоми.
- На метафорических цыпочках.

Если бы не свечение мониторов, на оперативной палубе было бы совсем темно. Алекс спал в своей кабине, оставив наблюдение на Холдена с Наоми. Бобби и Амос, когда он в последний раз их видел, обходили корабль, проверяя все, что не относилось к связи: метатели ОТО, килевую рельсовую, контроль среды. Бобби с самого начала старалась показать, что не претендует на капитанские полномочия, но вся деликатность не помешала ей до начала боевых действий заново ознакомиться с каждым сантиметром «Роси». Даже когда они с Амосом обсуждали неполадки с подачей воды на камбуз, звучало это как разговор об оружии. Серьезный профессиональный разговор людей, понимающих, что их рабочая аппаратура убивает. От этого Холдену казалось, что до сих пор он был слишком небрежен со своим кораблем.

Кларисса... где Кларисса, он не знал. С тех пор как закончился резкий разгон, Холден видел ее разве что мельком, будто они подцепили привидение, не выносящее взгляда в упор. Все, что о ней слышал: что она набирается сил, что импланты с черного рынка помогают ей от припадков тошноты, что она отыскивала плохой контакт, от которого мигало освещение в мастерской, – доходило от других. Холдену это не нравилось, зато хоть не приходилось с ней разговаривать.

План у них был простой. «Лазурный дракон» – не военный корабль, а геологоразведочный. Вместо защиты он полагался на то, что космос велик, а он мал и с удаленной от Земли и Луны орбиты успеет, если что, рвануть в Пояс или к лунам Юпитера. «Дракон» заглушил все сигналы, которые могли его выдать: позывные, радар и лидар, радио. Не в его силах было помешать свету отражаться от корпуса и скрыть уходящее в космос тепло, но затаиться он мог. Обходился принимающими датчиками и направленным лучом. Этого хватало, чтобы координировать броски камней по Земле, хотя сам корабль наполовину ослеп.

На то и рассчитывала Бобби.

Они проложили курс, который должен был подвести их вплотную к «Лазурному дракону», и сговорились с единым флотом, что те прикроют их выхлоп своими огнями. Это позволяло быстро подобраться к врагу, но лишало их возможности совершить классический переворот перед торможением на половине пути. Оставалось набрать ровно столько скорости, чтобы можно было сбросить ее в последний момент и зависнуть без ускорения в темноте. Лишенный активной разведки «Дракон» мог увидеть их визуально – крошечную точку в безграничном пространстве – и даже без радара и без лидара опознать как угрозу.

Рано или поздно, конечно, опознает. Но к тому времени, если расчеты Бобби оправдаются, это будет уже не важно.

Такой медлительной операции на памяти Холдена еще не бывало с тех пор, как они заполучили «Роси». У него от нетерпения все тело чесалось.

Голоса доносились из лифта: серьезные, резкие, деловитые реплики Бобби и шуточные добродушные ответы Амоса. На палубу они вплыли друг за другом, Бобби первой. Ухватившись за скобу, она остановилась. Амос мимоходом зацепил палубу лодыжкой и погасил движение, ударившись в потолок сперва подошвами, а потом и коленями. Он плыл вверх торшашками. Обычно «Роси», экономя реактивную массу и заботясь о здоровье Наоми, держал меньше одной *g*, но у них всегда имелся отчетливый низ. К полной невесомости здесь не привыкли.

– Как дела? – спросила Бобби.

Холден кивнул на экран.

– Ничего нового. Похоже, пока нас не заметили.

– Реактор не запускали?

– Тепловая подпись без изменений.

Бобби кивнула, поджав губы.

– Это ненадолго.

– Можно бы в них пальнуть, – предложил Амос. – Не мне решать, но я не раз видел, что побеждает тот, кто бьет первым.

– Дайте оценку расстояния, – попросила Бобби.

Холден вывел на экран данные пассивного наблюдения. До «Лазурного дракона» оставалось примерно пять миллионов кмэ – раз в десять больше, чем от Луны до Земли. Команда там вряд ли больше дюжины человек. В бесконечном звездном поле невооруженным глазом не увидишь. Даже уходи враг на полной тяге, выхлоп покажется одной светящейся точкой среди миллиардов.

– Насколько это точно?

– Точно не знаю, – ответил Холден. – Я обычно пользуюсь лидаром.

– Плюс-минус десять процентов, – подсказала Наоми. – При такой дальности ошибка пассивного измерения очень быстро нарастает.

– А если лидаром? – спросила Бобби.

– С точностью до метра.

– Вам не приходило в голову, сколько там боеприпасов болтается? – осведомился Амос, вытянувшись в полный рост, чтобы мазнуть по полу кончиками пальцев. Отдача чуть заметно направила его к потолку и в то же время перевернула в общепринятую позицию. – Прикиньте, сколько снарядов ОТО никуда не попали; и еще большая часть болванок от рельсовых пушек, даже те, что прошли корабли насквозь. И все это летает где-то с той же скоростью, с какой их выбросило из ствола.

– Выстрели мы в них, они бы сейчас высматривали стрелка, – сказала Наоми.

– А может, и нет, – возразил Амос.

Наоми обернулась к Бобби.

– Нам скоро надо начинать торможение, а то пронесет мимо.

– Как скоро? – спросила Бобби.

– Через три часа. Затянем дольше – придется тормозиться на соке или рисковать, что от перегрузки полопаются сосуды, которые нам бы ещегодились.

Бобби в задумчивости постучала указательным пальцем по большому. И кивнула, скорее себе, чем другим.

– На фиг, надоело ждать. Пойду разбужу Алекса. Пора кончать с этим делом.

* * *

– Ну вот, мальчики и девочки, – протянул Алекс. – Все готовы, все пристегнулись?

– Проверка, – распорядился по открытому каналу Холден и выслушал все доклады. Включая Клариссу Мао. Предвкушение действия порождало иллюзию, будто даже освещение загорелось ярче, словно застоявшийся в доке «Роси» тоже радовался серьезному делу.

– Реактор в порядке, – доложил из машинного зала Амос.

Алекс откашлялся.

– Хорошо. Начинаем через десять... девять...

– Увидели, – вмешалась Наоми. – Наблюдаю работу маневровых.

– Ну и ладно. Тогда три-два-один, – отсчитал Алекс, и Холдена с силой вдавило в амортизатор. Гель под ним подался, а корабль басисто зарокотал – двигатель сбрасывал скорость.

С точки зрения «Лазурного дракона», в небе появилась новая яркая звезда. Сверхновая в световом годе от них. Или что-то не столь опасное, зато гораздо, гораздо ближе.

– Лидар включен, – сообщила Наоми. – И... я их держу.

– Реактор у них включен? – спросил Холден, а Бобби одновременно с ним приказала:

– Управление огнем на меня.

Наоми ответила обоим:

– Они заводят двигатель. У нас, может, полминуты. Управление перевела, Бобби.

– Холден, – бросила Бобби, – позвоните-ка им в дверь.

Алекс, подчинить маневрирование управлению огнем.

– Есть, – отозвался пилот.

Холден включил направленный луч. «Роси» мгновенно нащупал цель.

– «Лазурный дракон», говорит «Росинант». Может, вы о нас слышали. Мы на подходе.

Сдавайтесь...

Перегрузку отрезало, кресла-амортизаторы зашипели, гася разворот сразу по двум осям.

– Сдавайтесь немедленно и приготовьтесь принять абордажную команду.

Наоми сдержанно, сосредоточенно доложила:

– Реактор противника включен.

«Роси» кувыркнулся, отбросив Холдена и Наоми на сбрую креплений. Отдача килевой рельсовой пушки толкнула корабль назад в точном математическом отношении массы двухкилограммовой вольфрамовой болванки, уходящей на измеримой доле световой скорости. Третий закон Ньютона в применении к войне. У Холдена свело живот, он как мог наклонился вперед. Потянулись секунды.

Наоми самодовольно хмыкнула.

– Ага, реактор заглушили. Сбрасывают сердечник. Азота в хвосте не видно – не похоже, чтобы они теряли воздух.

– Хороший выстрел, – по открытому каналу похвалил Амос.

– Черт побери, – выбранилась Бобби, когда «Роси» снова лег на курс, – я главное-то и пропустила.

Вернулась перегрузка ускорения, прижала Холдена к спинке кресла. Они с замедлением приближались к геологоразведчику. Терпеть стало тяжелее – два *g* ощущались в челюстях и в основании черепа.

– «Голубой дракон», отвечайте, или будем снова стрелять, – позвал Холден.

– Как-то это нехорошо, – заметила Наоми.

– Они первые начали, – ответил ей сверху, из кабины, Алекс. – В каждом упавшем камне доля их вины.

Холден сомневался, об этом ли она говорила, однако Наоми не стала настаивать, так что, может быть, пилот понял ее правильно.

– Ответа нет, Бобби, – сказал он. – Как будешь разыгрывать эту партию?

Вместо ответа бывшая марсианская десантница выбралась из оружейного поста – перегрузка заставила ее перебирать руками. Мышцы на руках у нее были вроде проволочных жгутов, а гримаса на лице говорила, что напрягаться приходится до боли и что ей это вроде как нравится.

– Передай им, что, если нам не откроют, всю дорогу до тюрьмы будут обходиться без амортизаторов, – приказала она, ныряя в люк. – Я как раз собираюсь занять более удобную позицию.

Амортизаторы чуть развернулись – Алекс изменял траекторию, чтобы не расплавить «Лазурный дракон» выбросом дюз. Бобби, хмыкнув, крепче уцепилась за поручень.

– Ты не забыла, что существует лифт? – спросил ее Холден.

Наоми, сопротивляясь гравитации, развернулась так, чтобы он видел ее лицо. Улыбка ее выражала сложные чувства: неловкость, удовольствие и что-то наподобие предвкушения.

Так вот она какая, когда даст себе волю...

Окончательный сброс скорости и выход на общую орбиту заняли время. Холден вполуха слушал, как Алекс с Амосом и Наоми подстраивали корабельную систему, чтобы свести корабли. Бобби, изредка отвлекаясь от сборки своего бронированного скафандра, вставляла свое словцо. Сам Холден основное внимание уделял врагу. «Лазурный дракон» молчал. За ним расходилось облако радиоактивного газа от сброшенного сердечника – оно уже почти сравнялось в плотности с окружающим вакуумом. Ни аварийного маячка, ни признания поражения или капитуляции. Ни ответа на его прозвон и запросы. От этого молчания мурашки шли по коже.

– Не думаю, чтобы мы их прикончили, – заговорил Холден. – Не могли же убить, а?

– Маловероятно, – согласилась Наоми, – однако скоро узнаем. В худшем случае – убили, и меньше будет шансов, что на Землю скинут новый камень.

Что-то в ее голосе заставило его оглянуться. Наоми не отрывала глаз от монитора, но взгляд был рассеянным.

Мыслями она ушла за миллион миль отсюда.

– Ты в порядке?

Наоми моргнула, помотала головой, будто разгоняла туман, и натянула на лицо почти естественную улыбку.

– Странное чувство. Невольно гадаю, нет ли у меня там знакомых. Прежде я редко о таком задумывалась.

– Все меняется, – сказал Холден.

– Да. Раньше ты у нас был самой важной шишкой. – Улыбка ее стала не такой вымученной. – А теперь лучшие допросчики уделяют внимание мне.

Алекс доложил, что уверенно держит шлюз «Дракона». Предстояла пересадка. Бобби приняла доклад и ответила, что готова к abordажу. Вернется, когда окончит зачистку. Звучало это очень по-военному, по-марсиански. Все голоса звенели от возбуждения. Отчасти это страх рядился в праздничные одежды, но не только. Впервые на своей памяти Холден поймал себя на мысли, как это звучит для Наоми. Ее друзья собираются атаковать и, возможно, убить людей, с которыми она выросла. Другим на «Росинанте» этого было не понять.

Они успели поработать на всех участников той каши, которую заварило человечество с Поясом и разбросанными за ним колониями. Они воевали с пиратами от имени АВП. Принимали контракты с Землей и Марсом, занимались и собственными делами. Сейчас, видя в Наоми не только ее саму, но и продукт прожитой ею жизни – жизни, о которой она пока еще не решилась ему рассказать, – Холден на все смотрел другими глазами.

Даже на самого себя.

– Их надо было остановить, – сказал он.

Наоми повернулась к нему, взглянула недоуменно.

– Кого? Этих мудаков? Конечно, надо было.

По кораблю разнесся низкий ляг: шлюзы соприкоснулись. На экране Холдена высветился тревожный сигнал. Холдену было не до того. Наоми склонила голову к плечу, разглядывая его, как запутанную головоломку.

– Ты что, решил, что я из-за них мучаюсь?

– Нет, – ответил Холден. – Вернее, да, но не совсем так. На том корабле тоже все уверены, что борются за правое дело. Если швыряют камнями в Землю, это... чтобы защитить ребятишек, которым на кораблях не хватает воздуха и сменных фильтров. Или тех, кто остался без корабля из-за новых законов ООН.

– Или потому, что убивать круто, – дополнила Наоми. – Не стоит их романтизировать только потому, что часть оправданий, которые они для себя находят...

Снова лязгнуло, еще громче прежнего. Наоми округлила глаза, у Холдена засосало под ложечкой. Недобрый знак.

– Алекс? Что там?

– По-моему, люди, у нас проблема.

– Я в порядке, – доложила Бобби, и по ее тону стало ясно, что это спорный вопрос.

– Ловушка, – объяснил Алекс. – Похоже, приспособили на своем конце магнитный зажим. Заморозили механизм. А Бобби...

– Застряла между наружным и внутренним люком, – закончила та. – Сама в порядке. Сейчас пробуюсь внутрь и...

– Нет! – перебила Наоми. Холден уже сосредоточился на сигнале тревоги, мигающем у него на мониторе. – Будь все так просто, ты бы уже прошла оба люка. Ничего не делай, я попробую тебя отлепить.

– Эй, – окликнул Холден. – Никто не знает, куда девался сигнал с датчиков? – На экране высветилось еще одно предупреждение. В голове у него завывала тревожная сирена. – А также с ОТО?

Пять или шесть секунд тишины показались часами – только тихое постукивание пальцев по панелям и стрекот отвечающего на запросы «Росинанта». Холден понял, в чем дело, раньше, чем получил ответ. Наружная камера прошла по обшивке «Роси». «Лазурный дракон» присосался к корпусу, напоминая не столько пленника, сколько паразита. А потом сверкнули искры, и желтым вспыхнула защита. Холден сдвинул обзор камеры. Три строительных меха пауками раскорячились на боку корабля, впиваясь в обшивку резаками.

– Шкуру хотят содрать, – сказал Холден.

Алекс с трудом прикрыл ярость фальшивой вежливостью:

– Я бы мог, если хотите, сделать небольшой рывок. Скинуть их под дюзы, и делу конец.

– Шлюзы сомнешь, – оборвал его Холден. – Вместе с Бобби.

– Ага, – отозвался Алекс. – Понял. Не учел.

Холден принял управление ОТО и попытался выдвинуть орудие так, чтобы взять на прицел один из мехов. Нет, они были слишком близко. Еще одна тревога на экране. Защищенная проводка выдала сигнал ошибки. Те врезались уже глубоко в корпус. Очень скоро ущерб станет реальным. А если они сумеют пробраться между слоями обшивки...

– А если Бобби вскрыет шлюзовую трубу? – резко спросил Холден.

– В лучшем случае она без ремонта будет непригодна, – ответила Наоми. – В худшем, если они пристроили к причалу вторую ловушку, она убьет Бобби и выпустит из нас воздух.

– Это ничего, – отозвалась Бобби. – Я рискну. Только дайте секунду, займу позицию...

– Нет, – сказал Холден. – Нет, погоди. Найдем выход.

Чтобы все живы остались. Время есть.

Он ошибся. Снова вспыхнул сварочный аппарат. Когда Амос заговорил, Холден не узнал его голоса. Слишком глухо, слишком близко он прозвучал:

– Знаешь, кэп, у нас ведь еще один шлюз есть. Грузовой, у моей мастерской.

Все ясно. Голос изменился, потому что Амос успел натянуть вакуумный скафандр и говорил через шлемную рацию.

– Ты что придумал, Амос?

– У меня все по-простому. Выскочим на минутку, пришибем пару мудаков, которых давно надо было убить, а потом залатаем «Роси».

Наоми, поймав взгляд Холдена, кивнула. Проведенные вместе годы и пережитые опасности наладили между ними что-то вроде телепатии. Наоми останется вытаскивать Бобби из капкана. Холден пойдет с Амосом, прикроет их.

- Согласен. – Холден уже отстегивал крепления. – Готовь скафандр, я иду.
- Скафандр я оставлю, – сказал Амос, – но, думаю, ждать тебя нам не стоит.
- Постой, – удивился Холден. – Нам?
- Мы уже шлюзуемся, – отозвалась Кларисса Мао. – Пожелайте нам удачи.

Глава 7. Кларисса

На втором году заключения Кларисса согласилась прослушать курс поэзии, который вел тюремный капеллан. Она не слишком надеялась, что из этого что-нибудь выйдет, зато полчаса в неделю можно было посидеть в серо-зеленой комнате с привинченными к полу стальными стульями и вместе с полудюжиной других сидельцев заняться чем-то, кроме допущенных администрацией развлекательных программ и сна.

Все с самого начала пошло вкривь и вкось. Из собиравшихся раз в неделю мужчин и женщин в университете побывали только она да капеллан. Две женщины приходили, до того накачаные антипсихотическими средствами, что их можно было считать отсутствующими. Один из мужчин – серийный насильник, который мучил падчериц химическим шокером, пока они не перестали дышать, – так увлекся «Опытом о человеке» Поупа, что посвятил ему многочасовой эпос из плохо рифмованных куплетов. Излюбленной его темой была несправедливость законов, подавляющих личность и сексуальное влечение. Еще приходил круглолицый паренек, на вид слишком молодой, чтобы заслужить пожизненное в яме: он сочинял сонеты о садах и солнечном свете, и это было самым мучительным, хотя по-другому, чем остальное.

Кларисса поначалу ограничивалась минимальным участием. Она попробовала писать верлибром о возможности искупления, но в свое время куратор литературного курса заставил ее почитать Карлоса Пиннани, Аннеке Свайнхарт и Хильду Дулитл, так что девушка знала, чего стоят ее вирши. Хуже того, она знала, почему они плохи. Она сама не верила в главный тезис. Раз-другой пыталась сменить тему: написать об отцовстве, о раскаянии, о горе – там ей не давался катарсис, это больше походило на сухой репортаж. Жизнь ее оскудела, и сказать ей, хоть пентаметром, хоть прозой, было нечего.

Бросила она это дело из-за кошмаров. О них Кларисса ни с кем не говорила, хотя медики знали. Содержание сновидений можно было оставить при себе, но монитор регистрировал частоту сердцебиения и активность различных участков мозга. Поэзия сделала сновидения ярче и чаще. Обычно снилось что-нибудь мерзкое – дерьмо или падаль, в которых она рылась, пытаясь откопать погребенных под завалом, пока те не задохнулись. Когда она бросила курс, кошмары снова выпцвели. И снились опять раз в неделю, а не каждую ночь.

Но это не значит, что курс не дал плодов. Через три недели после того, как сказала капеллану, что больше не хочет участвовать в его кружке, Кларисса проснулась среди ночи совершенно отдохнувшей, свежей и спокойной. В голове явственно, как услышанные, звучали слова: «Я убивала, но я не убийца, потому что убийца – чудовище, а чудовища страха не знают». Вслух она этого никогда не произносила. И не записывала. Для нее это стало словом силы, личной молитвой, слишком священной, чтобы выпускать вовне. Она возвращалась к этим словам, когда нуждалась в них.

Я убивала, но я не убийца...

– Мы уже шлюзуемся, – выговорила она сухими, слипающимися губами. Сердце дергалось в груди.

...потому что убийца – чудовище...

– Пожелайте нам удачи.

...а чудовища страха не знают. Она отключила передачу, перехватила поудобнее безоткатную винтовку и кивнула Амосу. Тот по-мальчишески уверенно улыбнулся из шлема. Наружная дверь люка беззвучно открылась в звездную бездну. Амос ухватился за край люка, подтянулся и тут же нырнул обратно, остерегаясь стрелка. Никто не стрелял, так что он ухватился за скобу и, всем телом махнув через люк, перевернулся, примагнитив подошвы к обшивке. Кларисса повторила его действия с меньшим изяществом. И с меньшей уверенностью в себе.

Утвердившись подошвами на теле «Росинанта», она оглянулась на дюзовый конус. Корпус был твердым и гладким, на нем выступали шишки орудий точечной обороны, устья маневровых, черные дальнзоркие глаза приемных антенн. Винтовку она держала наготове, пальцем у курка, но не на курке – так учила ее марсианка-десантница. Она это называла дисциплиной курка. Лучше бы Бобби Драпер сейчас была здесь, а Кларисса бы вместо нее застряла в шлюзе!

– Двигаемся, Персик. Посматривай на шесть часов.

– Поняла, – ответила она и медленно стала отступать задом наперед, цепляясь подошвами за корабль и переступая не прежде, чем одна нога надежно закреплялась.

Казалось, сам корабль держит ее, не давая закувыркаться среди звезд. Враг не показывался. Продвинувшись за изгиб корпуса, они увидели тушу «Лазурного дракона» – как всплывающего из глубины кита. «Дракон» подошел так близко к «Роси», что, отключив магниты, можно было на него перепрыгнуть. Бившие снизу лучи солнца отбрасывали на корпус резкие тени, выделяя шрамы и отшелушившееся кое-где покрытие: долгие годы под жесткой радиацией местами спекли его в хрупкое белое стекло. В сравнении с ним «Роси» выглядел новехоньким, крепким. Что-то полыхнуло сзади, выбросив вперед их с Амосом тени. Кларисса медленно, прерывисто вздохнула. Пока никто их не атакует.

Атаковали они.

– Вот дерьмо, – бросил Амос, и тотчас по общему каналу отозвалась Наоми:

– Что видишь, Амос?

В уголке шлема перед Клариссой открылось окошко, на нем нарисовался участок корпуса за спиной. Там в туче искр виднелись три желтых паука-меха. Двое, закрепившись на корпусе, готовились отрывать пласти стали и керамики, а третий резал.

– Вижу, – сообщила Наоми. – Вот-вот проберутся между обшивками.

– Не проберутся, если мы с Персиком не позволим. Верно, Персик?

– Верно. – Кларисса развернулась, чтобы видеть врага собственными глазами. Шлем, спасая ей зрение, затемнил стекло от вспышек сварочной горелки. Как будто три меха остались как были, а все звезды вокруг них померкли. Осталась только темнота, и в ней – люди, желавшие зла ей и Амосу.

– Готова? – спросил Амос.

– А это важно?

– Не слишком. Посмотрим, что можно сделать, пока те не заметили.

Кларисса припала к корпусу, подняла винтовку, навела. Включив увеличение, она различила в люльке меха человеческую фигурку: руки, ноги, голову в почти таком же, как у нее, шлеме. Она уронила на шлем яркую красную точку прицела, опустила палец на курок и нажала. Шлем мотнулся назад, будто почуяв, а два оставшихся меха развернулись, протянув к ним остроконечные стальные лапы.

– Шевелись! – крикнул Амос, срываясь в небо. Кларисса отключила магнитные крепления и прыгнула следом, едва не опоздав. На месте, где она стояла, по корпусу протянулись белые линии – пуля ударила раньше, чем скафандр предупредил о ее приближении. Маневровые скафандра заработали, непредсказуемым образом бросая ее из стороны в сторону, уводя из-под пуль, которые она видела только линиями в окошке экрана.

– Отвлеки их, Персик, – попросил Амос. – Я сейчас вернусь.

Он унесся прочь, заворачивая вокруг корпуса «Лазурного дракона». Кларисса позволила скафандру увести себя в другую сторону, укрывшись за горизонтом «Росинанта». Сердце тиканьем часов билось в ушах, все тело трясло. Красная точка отыскала сварочный мех, и она спустила курок, промахнувшись с первого выстрела. Второй попал в цель, мех качнулся от неожиданного выброса летучего газа. Ее костюм выдал тревожное предупреждение; Кларисса думала, что это ошибка системы, пока не взглянула на свое бедро и не увидела на нем кровь. В нее попали. Это было как проиграть очко в интеллектуальной игре.

– Доклады! – крикнула Наоми.

Кларисса хотела отозваться, но мехи уже спешили по корпусу в ее сторону, и ей стало не до того: надо было отступить и отстреливаться.

– У меня здесь абордажная группа готовится к выходу, – доложил Амос.

– Сколько? – рявкнула Наоми.

– Пятеро... – Чуть помедлив, Амос продолжил: – А теперь четверо. А вот и трое.

Звезды снова загорелись, хоть и не так ярко, как было. Корпус сверкал под солнцем, расположенным теперь почти точно над головой. Мехи ползли к ней, ускоряясь как в кошмаре. Один шмыгнул мимо бочонка ОТО и пропал.

– Одного снял, – сказал Алекс, и Кларисса расхохоталась. Но смех ее отвлек. Она слишком далеко оторвалась от корпуса. Надо бы вернуться в укрытие. Она нырнула к «Роси» – слишком поспешно. Ударилась подошвами, хотела перекатиться, смягчая толчок, как училась девчонкой на курсах самозащиты. Ощущение верха и низа поплыло, и Кларисса стала падать в звезды.

– Как дела, Персик? – спросил Амос, но она уже двигалась.

Шарахнулась от последнего меха. Убивший их друга выстрел ОТО насторожил уцелевших, заставил осторожничать. Кларисса отступила дальше за изгиб корпуса, задержалась, чтобы опустить ствол, и стала ждать, пока враг выйдет под выстрел. Ждать было трудно. Солнце теперь било в глаза, шлем, борясь с ним, слепил и ее. Нога ныла, но не болела. Она задумалась, нормально ли это. Мех рывком выдвинулся в поле зрения, и она выстрелила, отогнав его обратно. Сколько потрачено патронов? Это отражалось где-то на экране, но она не помнила где. Сделала еще один выстрел и заметила, как маленькая зеленая шестерка сменилась пятеркой. Так, осталось пять выстрелов. Она ждала, как охотник в засаде. Она справится. Красное пятнышко дергалось, съезжало. Кларисса возвращала его на место. Она справится.

– Персик! – орал Амос. – На шесть от тебя!

Кларисса развернулась. «Лазурный дракон» нависал над ней, солнце стояло над головой. Она так долго отступала, что замкнула круг. А над вражеским кораблем двигались по дуге две блестящие фигурки. Команде «Дракона» уже не пробиться в «Росинант», но маленькая месть им оставалась. Клариссе негде было укрыться. Оставалось лишь стоять лицом к лицу с остатками абордажной группы – или бежать под пушки последнего меха.

– Амос? – сказала она.

– К шлюзу! Прячься внутри!

Она прицелилась в одну из приближающихся фигур. Выстрелила, но они ушли с траектории пули. Ее скафандр доложил о быстро движущихся объектах. Пора было уходить. Кларисса повернулась к дюзам. До них оказалось дальше, чем она ожидала. Включились маневровые, и она поплыла в метре над корпусом, как птица над озерной гладью. Что-то взорвалось в плече, ее закрутило. В сообщении скафандра не было нужды – она знала сама. Еще одно ранение. Скафандр уже пережал ей плечо, в меру возможного останавливая кровотечение. Желтая вспышка слева. Мех на выхлопе своих маневровых приближался. Она выронила винтовку, та улетела назад. Все равно одной рукой не прицелишься, а меньше массы – больше скорости.

Вот и все. Вот как она умрет. Эта мысль почему-то утешила. Здесь ей конец, под мириадами звезд. Бесконечный, свободный свет солнца, бой за друзей. Яркая смерть, геройская. Не холодное увядание на жесткой серой койке в тюремной больнице. Странное дело, она чувствовала себя победительницей. Время словно замедлилось, и Кларисса подумала, не запустила ли нечаянно импланты. Глупо вышло бы. Какой смысл разгонять нервные реакции, когда скорость ей обеспечивают только сопла маневровых? Нет. Это просто сказались страх и уверенность, что ее несет к смерти.

Наоми с Алексом что-то орали ей в уши. И Амос тоже. Она не понимала ни слова. Как со стороны, пришла мысль, что Амос о ней пожалеет. Надо было сказать ему, как она благодарна

за каждый день вне ямы. Шлем выдал предупреждение: надо тормозить, чтобы не пронесло через корабль. Она заглушила маневровые и перевернулась, больше по обязанности, чем в надежде выжить. Из двух абордажников один уплывал в сторону Солнца, беспомощно болтая руками и ногами. Другой был прямо над ней, но к ней спиной, а лицом к быстро приближающемуся скафандру – конечно, Амосу. Мех мигнул, надвигаясь. Как только Кларисса начала тормозить, он словно рванулся на нее – иллюзия, порожденная относительным изменением скорости. Но в этой иллюзии было достаточно реальности, чтобы ее прикончить.

А потом водитель меха почему-то обвис в люльке сбруи. Оставшийся без управления мех заболтал лапами. Одна свесилась вниз, задела корпус и толкнула большую желтую машину от «Росинанта», кувыркком к звездам. Кларисса смотрела, не понимая, пока чья-то рука не обхватила ее за здоровое плечо, а другая не обняла за пояс. На ярком солнце щиток второго скафандра выглядел матовым. Она узнала, только услышав по рации голос.

– Все хорошо, – сказал ей Холден. – Я тебя держу.

* * *

Ее разбудил Амос. Его широкое лицо и лысая макушка показались ей сновидением. Но скорее это лекарства сдвинули восприятие.

Регенерационный коктейль странно воздействовал на чувства, даже если на них не влияли обезболивающие. Кларисса, встав перед выбором, – онемелость и тупость или ясное сознание с болью, – выбрала боль. Широкие эластичные ремни прижимали ее к койке в медотсеке. Автодок качал в тело все необходимое и лишь иногда выдавал ошибку, сбитый с толку утечкой из ее модифицированных желез. Разбитая плечевая кость срасталась. Первая пуля, проделав в мякоти бедра десятисантиметровую борозду, ушибла, но не сломала кость.

– В порядке, Персик? Я тебе поесть принес и как раз хотел уходить, но ты... вид у тебя... Он махнул рукой.

– Все хорошо, – сказала она. – То есть я ранена, но все хорошо.

Амос подсел к ней на край кровати, и Кларисса сообразила, что они под тягой. Запах искусственного персикового концентрата одновременно манил и нагонял тошноту. Она отстегнула ремни и села, опершись на здоровый локоть.

– Мы победили?

– Еще бы, черт возьми! Двое пленных. Ядро с данными «Дракона». Они пытались стереть, но Наоми вдвоем с «Роси» восстановят. Бобби писает в штаны, что пропустила потеху.

– Может, в следующий раз, – отвечала Кларисса, когда в комнату вошел Холден.

Они с Амосом кивнули друг другу, и здоровяк вышел.

– Нам давно надо было поговорить, – начал Холден.

Капитан «Роси» стоял над койкой, словно не знал, куда деваться. Может, дело было в лекарствах, только Кларисса с удивлением отметила, что он не такой, каким ей представлялся. В ее мысленном образе скулы у него были круче, подбородок массивнее. Голубые глаза холоднее. А этот человек выглядел... нет, не старше. Просто другим. Волосы взъерошены. У глаз и в углах рта намечаются морщины. Их еще нет, но на подходе. Виски тронуты сединой. Но по-другому он выглядел не от этого. Джеймс Холден и ее личной мифологии всегда был уверен в себе, а этот места себе не находил.

– Понятно, – отозвалась она, не зная, что еще сказать.

Холден переплел руки на груди.

– Я... м-м-м, да. Я вообще-то не ожидал, что ты попадешь на этот корабль. Мне это неудобно.

– Знаю, – сказала она. – Извините.

Он отмахнулся.

– Потому я и пропустил этот разговор, а не должен был. Это моя вина, договорились? Я знаю, вы с Амосом после падения камней прошагали пешком чуть не всю Северную Америку, и знаю, что ты хорошо держалась.

И корабельный опыт у тебя есть.

«Опыт террористки и убийцы». Этого он не сказал.

– Штука в том, – продолжал Холден, – что к таким делам ты не подготовлена. Выход в космос с оружием – совсем не то, что на грунте. Или работа техника на корабле. Импланты имплантами, но прибегнув к ним, ты под конец утонешь в собственной рвоте, так?

– Скорей всего, – признала она.

– Так что больше тебе нельзя выходить. Амос тебя взял, потому что... хотел показать, что ты своя.

– Но я не своя, – закончила она за него. – Вы об этом.

– Не всюду, где бывает Амос, – уточнил Холден. И впервые посмотрел ей в глаза. Выглядел он, пожалуй, грустным. Она не знала отчего. – Но пока ты на моем корабле, ты в команде. И моя работа – тебя защищать. А я не справился. Ты больше не участвуешь в боях в вакуумном скафандре. По крайней мере, пока не пройдешь подготовку. Это приказ. Ясно?

– Ясно, – откликнулась она и, пробуя слова на вкус, добавила: – Так точно, сэр.

Он был ее присяжным врагом. Символом ее поражения. Каким-то образом он даже стал символом той жизни, которую она могла бы прожить, сделав другой выбор. Он был всего лишь не слишком молодой человек, почти незнакомый, хотя кое-какие общие знакомые у них имелись. Он с трудом улыбнулся, и она ответила на улыбку. Такая малость. Но уже кое-что.

Когда Холден ушел, она догрызла концентрат, закрыла усталые глаза и не знала, что спит, пока не увидела сон.

Она копала склизкую черную кучу дерьма, пробиваясь к кому-то, погребенному под ней. Надо было спешить – у человека кончался воздух. Во сне она чувствовала, как холодеют от страха пальцы, как подкатывает к горлу омерзение. И страх. И опустошающее чувство потери от сознания, что она не успевает.

Глава 8. Доуз

Первая сессия импровизированного саммита началась, как только прибыла Мичо Па, в равной мере приятная взгляду и непроницаемая. Ее корабль причалил на середине суточного цикла, поэтому Марко задержал их всего на несколько часов. Следующие три дня дались труднее: встречи длились по тринадцать с лишним часов, даже без перерыва на обед. Ели прямо за столами, пока Марк излагал свое видение великой, всесистемной цивилизации астеров.

Три раскрученные станции, автоматизированные заводы и фермы, энергостанции, установленные поближе к Солнцу и ведущие передачу лучевой энергии к местам обитания, широкомасштабное разграбление биоресурсов с трупа Земли. Рядом с этими величественными и прекрасными картинами померк даже проект терраформирования Марса. А представлял их Марко Инарос с беспощадной настойчивостью, перед которой терялись все возражения других участников.

Санджрани поинтересовался, как предполагается обучать работников для задуманного Марком комплекса космических городов, похожего на тучу снежинок. Марко отмахнулся: не проблема. Астеры всегда готовы жить и строить в космосе. Врожденное умение, впитавшееся в их хрупкие кости. Па подняла проблему постоянных поставок продовольствия и медицинского обеспечения: уже теперь станции и корабли, лишившись поставок с Земли, затягивали пояс. Марко признал, что предстоят скудные времена, но заверил Па, что она преувеличивает реальные трудности. Ни одно из поднятых возражений его не поколебало. Глаза у него блестели, голос звучал богаче скрипки, энергия не иссякала. С совещания Доуз возвращался к себе выжатым, как тряпка. Марко же отправлялся в бары и пабы, в общие залы и обращался напрямую к гражданам Цереры. Доуз не знал, когда он спит и спит ли вообще.

На пятый день они прервались – так падают бегуны в конце длинной дистанции. Комментарий Розенфелда никого не успокоил:

– Койо маньяк. Он еще свалится.

– И что тогда? – спросил Доуз.

Пупырчатый пожал плечами. Улыбнулся неприятной улыбкой.

– Тогда разберемся, где мы есть. Инарос – великий человек. Для наших целей – именно тот великий человек, какой нам нужен. Вполне нормальный бы в эту роль не вписался.

Они сидели в саду у губернаторского дворца. Запахи земли и зелени смешивались с протеиновым мясом и перцами гриль, которые Розенфелд выбрал себе на завтрак. Доуз, отвалившись от стола, прихлебывал из груши горячий чай с молоком. Розенфелда Гаоляна он знал третью декаду и доверял ему, насколько вообще кому-то доверял. Но не вполне.

– Если, по-твоему, он свихнулся, – заметил он, – это проблема.

– Это не проблема, это профессиональная необходимость, – как от мошки, отмахнулся Розенфелд. – Он убивает миллиардами и перекраивает человеческую цивилизацию. Может, он бог, может – дьявол, но мысль быть обычным милым человеком, которому повезло с харизмой и обстоятельствами, ему точно не по нутру. Эта лихорадка пройдет. Сейчас, если его послушать, мы уже на этой неделе проводим первую сварку – а скоро он скажет, что закончат наш труд праправнуки. Никто так ловко не умеет сменить песню посреди такта, как наш Марко. За него не беспокойся.

– Трудно не беспокоиться.

– Ну, беспокойся, но не слишком. – Розенфелд со вкусом отхватил кусок перца с протеином, опустил шершавые веки, словно собрался вздремнуть. – Все мы здесь потому, что нужны ему. У меня, не считая Фреда Джонсона, единственная боевая сила, способная причинить ему неприятности. Санджрани – болван, но так управляется с искусственной экономикой Европы, что всякий назовет его гением. Как знать, может, он гений и есть. Ты держишь астер-

ский порт. Па – девочка с плаката: откололась от АВП по этическим соображениям, и потому из нее выйдет отличный рождественский дед – распределять богатства между грунтовыми и привлекать к нам своих прежних единоверцев. На этом совете не было случайных людей. Он собрал команду. Пока держимся единым фронтом, мы не дадим ему захлебнуться в собственном величии.

– Надеюсь, ты прав.

Розенфелд улыбнулся, не переставая жевать.

– Конечно, прав.

Андерсон Доуз принадлежал к АВП с рождения. Родители, желая подмазаться к боссам своей корпорации, назвали сына по горнодобывающей компании. Бойня, устроенная Фредом Джонсоном, позже сделала это имя символом преступлений Земли против Пояса. Мальчик рос, считая Пояс домом, а его обитателей – при всех различиях и розни – своим племенем. Отец его был организатором, мать – адвокатом профсоюза. Он, еще не научившись читать, узнал, что гуманное отношение всегда приходится выторговывать. И вся его жизнь стала вариацией той же простенькой темы: дави, держись на ногах и лови свой шанс.

Ему всегда хотелось вывести Пояс на место, принадлежащее ему по праву, покончить с бездумной эксплуатацией его людей и богатств. Каким образом, пусть решает мироздание. Он работал на «Зону совместных интересов Персидского залива», восстанавливал для них станцию Лагранж-4 и там завел связи с общиной экспатриантов. Он сделался голосом АВП на Церере: вовремя приходил на все собрания, выслушивал, прежде чем заговорить, и добился, чтобы нужные люди запомнили его имя.

Насилие всегда для него составляло часть окружающей среды. Если надо было кого-то убить, люди умирали. Он умел завербовать многообещающего молодого технаря. И прежнего врага, созревшего для обращения. Это Доуз привлек Фреда Джонсона, палача станции Андерсон, хотя все обзывали его безумцем, и принял дружные извинения, когда ООН в результате осталась с разбитым носом. Позже, когда выяснилось, что Джонсон не готов сотрудничать с новой властью, Доуз согласился с ним порвать. Наблюдая, как его тезка-станция росла от скромных успехов в промышленности Пояса до символа астерской революции, он если чему и научился, так тому, что все меняется и цепляться за старое – самоубийство.

Так что, когда Марко Инарос завязал торговлю с чернейшим из марсианских черных рынков и создал свою организацию на смену АВП, Доуз решил, что у него ровно два выхода: отдаться новому или умереть вместе со старым. Он выбрал, как выбирал всегда, и потому сейчас сидел за этим столом. Иной раз выслушивая по тринадцать часов утопические бредни Марко, но тем не менее он был здесь.

Хотя иной раз он жалел, что этот черт, Уинстон Дуарте, не выбрал для сбыта оружия кого-нибудь другого.

Он доел завтрак – перец давно остыл и размяк, а протеиновая плитка начинала черстветь. Доуз бросил вилку.

– С Медины есть вести?

Розенфелд пожал плечами.

– Ты о станции или о том, что за ней?

– Хоть откуда.

– На станции порядок, – сказал Розенфелд. – Оборона установлена, все как следует. Что за ней... ну, никому не известно, са-са? Дуарте держит слово, шлет транспорты оружия и оборудования с Лаконии. С остальными колониями...

– Не так гладко. – В словах Доуза не было вопроса.

Розенфелд поморщился себе в тарелку, впервые с начала этого неформального совета спрятав глаза.

– Фронтир всегда опасен. Там бывает такое, чего не увидишь в цивилизации. Вэйкфилд замолчал. Поговаривают, он там что-то разбудил, но никто не послал корабля проверить. Да и когда бы, а? Сперва с войной бы покончить, а там уж разберемся.

– А «Баркайт»?

Розенфелд не отводил взгляда от тарелки.

– Люди Дуарте говорят, что разбираются. Волноваться не о чем. Нас не винают.

Каждое движение собеседника подсказывало Доузу, что нажимать не стоит, и он почти готов был закруглить разговор. Или хотя бы зайти с другой стороны.

– Как это вышло, что все колонии бьются, чтобы обеспечивать себя продовольствием, не опасаясь срыва гидропоники, как на Велкере, а на Лаконии уже налажено производство?

– Там лучше спланировали. И со снабжением было лучше. Чего ты не понимаешь насчет этого пинче марсианина Дуарте, так это...

Ручной терминал Доуза тревожно запищал. Первоочередной запрос на связь. Этот канал он отвел для срочных дел станции. Вызывала капитан Шаддид. Движением пальца попросив Розенфелда подождать, Доуз открыл связь.

– В чем дело? – рявкнул он вместо приветствия.

Шаддид сидела за рабочим столом. Он узнал стену кабинета за ее спиной.

– Вы нужны здесь, внизу. Мой человек в госпитале.

Врачи говорят, не выживет. Стрелок задержан.

– Это хорошо, что поймали.

– Его зовут Филип Инарос.

У Доуза внутри что-то оборвалось. – Сейчас буду.

* * *

Шаддид отвела мальчишке отдельную камеру. Благоразумно. Доуз, едва войдя в отдел безопасности, ощутил, что атмосфера заряжена яростью. На Церере выстрел в офицера службы безопасности был короткой дорогой в космос без скафандра. Для большинства.

– Я выставила автоматическое наблюдение, – доложила Шаддид. – Замкнула на себя. Никто другой не включит и не выключит.

– Зачем? – не понял Доуз. Он занял ее стол. Пусть Шаддид – глава безопасности, но он-то губернатор Цереры.

– А то бы отключили, – объяснила Шаддид, – и никто бы больше не увидел маленького засранца живым. Между нами, это было бы услугой мирозданию.

На экране Филип Инарос сидел под стеной, запрокинув голову и закрыв глаза. Молодой человек. Или взрослый мальчик. Под взглядом Доуза Филип потянулся, обхватил себя руками за плечи и снова замер, не поднимая глаз. Доуз не взялся бы решать, выражало это движение уверенность в своей неприкосновенности или страх, что она не работает. Доуз заметил сходство парня с Марко, но отец излучал обаяние и уверенность, а сын был сплошная ярость и уязвимость – Доузу подумалось о мозолях и открытых ранах. При других обстоятельствах он мог бы и пожалеть пленника.

– Как это вышло? – спросил он.

Шаддид вывела на экран ручного терминала запись. Коридор у ночного клуба ближе к центру вращения. Дверь распаивается. Выходят трое, все астеры. Мужчина и женщина на ходу ласкают друг друга, будто не замечая третьего. Миг спустя дверь снова открывается, выходит Филип Инарос. Звука не было, так что Доуз не узнал, что проорал Филип вслед уходящим. Но что-то проорал. Одиночка повернул обратно, парочка задержалась пос мотреть. Филип задрал подбородок, выпятил грудь. Человечество не первое поколение как освободилось от планетной гравитации, но поза нарывающегося на драку подростка не изменилась.

В кадр вошла новая фигура. Человек в форме безопасника, руки подняты командным жестом. Филип переключился на него, заорал. Безопасник рывкнул в ответ, жестом указал: отойди к стене. Парочка отвернулась и сделала вид, что ни при чем. Молодой человек, собиравшийся вернуться и подраться, медленно отступал – не поворачиваясь спиной, в надежде, что его враги сцепятся между собой. Филип так страшно притих, что Доузу стоило усилий не отводить взгляда.

Безопасник достал оружие, и в руке Филипа возник пистолет – такой фокус дается многими часами тренировок. Дульная вспышка показалась продолжением того же неуловимого движения.

– Черт побери, – выругался Доуз.

– Дело ясное, – заговорила Шаддид. – Он слышал приказ службы безопасности. Не подчинился, выстрелил в ее представителя. Будь это кто другой, уже кормил бы собой грибы.

Доуз прикрыл рот ладонью, потер саднящие губы. Должен быть выход. Способ открутить назад.

– Как твой человек?

Шаддид ответила не сразу. Поняла, к чему он ведет.

– Стабилизировался.

– Не умрет?

– Но и гулять не пойдет, – возразила она. – Я не могу работать, если кому-то позволено стрелять в моих людей. Понимаю, что такое дипломатия, но, не в обиду будь сказано, дипломатия – ваша работа. Моя – не дать шести миллионам человек поубивать друг друга сегодня и ежедневно.

«И моя работа в том же роде», – подумал он. Говорить об этом вслух было не ко времени.

– Свяжитесь с Марко Инаросом. Он должен быть на «Пелле» в доке 65-С, – сказал Доуз вслух. – Пригласите ко мне сюда.

* * *

Под конец особенно тяжелого дня Доуз иногда позволял себе пропустить стаканчик виски и посидеть над своим сокровищем: печатным томом Марка Аврелия, доставшимся ему от бабушки. «Размышления» – мысли человека, обладавшего страшной властью: император мог казнить любого по своему усмотрению, одним словом создать новый закон, получить в свою постель любую женщину. Или мужчину, приди ему такая прихоть. Тонкие страницы заполнялись усилиями Аврелия остаться хорошим человеком вопреки вызову мира. Они не то чтобы успокаивали, но утешали Доуза. На всем протяжении человеческой истории сохранить свою мораль, не позволить чужим порокам и дурным поступкам увлечь себя за собой было печалью каждого мыслящего человека.

Доуз за десятилетия выработал собственную философию. Плохие люди есть везде. Везде есть глупость и алчность, спесь и гордыня. Приходится лавировать среди них, если не теряешь хотя бы надежду улучшить жизнь астеров. Не то чтобы сейчас дела шли хуже, чем прежде. Просто они не стали лучше. Сегодня, подозревал Доуз, будет самый подходящий вечер для Аврелия.

Марко вошел в отдел безопасности, как хозяин. Улыбка, смех, чисто животное присутствие его наполнили помещение. Сотрудники бессознательно расступались и отводили глаза. Доуз встретил Марко, чтобы проводить в кабинет Шаддид, и не успел оглянуться, как уже на глазах у всех пожимал ему руку. Этого он делать не собирался.

– Неловко вышло, – сказал Марко, словно соглашаясь с Доузом. – Я позабочусь, чтобы подобное не повторилось.

– Ваш сын мог убить моего человека, – произнес Доуз.

Марко уже сел в его кресло и развел руками – широкий жест, как будто сводивший на нет любое возражение.

– Просто ссора зашла слишком далеко. Доуз, скажешь, что с тобой такого не бывало?

– Со мной такого не бывало, – эхом отозвался Доуз, но так жестко и холодно, что Марко в первый раз изменился в лице.

– Ты ведь не станешь раскручивать это дело, а? – понизив голос, заговорил он. – У нас много работы. Настоящего дела. Сообщили, что Земля захватила «Лазурный дракон». Придется пересматривать стратегию на внутренних орбитах.

Доуз только сейчас от этом услышал и заподозрил, что Марко придерживал информацию, чтобы разыграть ее, когда понадобится сменить тему. Ну, Доуза так просто не собьешь.

– Пересмотрим. Но я вызвал вас не за этим.

Шаддид кашлянула, и Марко бросил на нее мрачный взгляд. Когда он снова обратился к Доузу, лицо его снова переменялось. Улыбка шире прежнего выражала простодушное веселье, но в глазах что-то такое, от чего у Доуза свело живот.

– Ладно-ладно, – заговорил Марко. – Бьен, койо мис. Зачем ты меня вызвал?

– Ваш сын не должен оставаться на моей станции, – отчеканил Доуз. – Если останется, мне придется отдать его под суд. И защищать от тех, кто не захочет дожидаться приговора. – Доуз помолчал. – И исполнить приговор тоже придется.

Марко застыл – точь-в-точь как его сын в конце стычки.

Доузу хотелось проглотить слюну.

– Похоже, вы мне угрожаете, Андерсон.

– Я объясняю. Объясняю, почему вам надо убрать мальчика с моей станции и никогда сюда не возвращать. Я оказываю вам услугу. Ради другого я бы не стал вмешиваться.

Марк медленно, протяжно вздохнул и выдохнул сквозь зубы.

– Понимаю.

– Он стрелял в сотрудника безопасности. Мог убить.

– Мы убили целую планету, – отмахнулся Марко. А потом, словно вспомнив о чем-то, кивнул – больше себе, чем Доузу или Шаддид. – Но я ценю, что вы ради меня прогибаете закон. И ради него. Я ему этого не спущу. Нам с ним предстоит серьезный разговор.

– Хорошо, – сказал Доуз. – Капитан Шаддид сдаст его вам. Если хотите вызвать своих людей... – Нет нужды, – ответил Марко.

В телохранителях не было нужды. Никто в службе безопасности не посмел бы спорить с Марко Инаросом, с самим Свободным флотом. Хуже всего, что Марк, как догадывался Доуз, в этом не ошибался.

– Завтра у нас совещание. Поговорим о «Лазурном драконе» и Земле. Обсудим следующий шаг.

– Следующий шаг, – вставая, согласился Доуз. – Поймите, это не временная мера. Филипу никогда больше не будет места на Церере.

Марко улыбнулся с неожиданной искренностью. Темные глаза сверкнули.

– Не тревожься, дружище. Если его не хотят здесь видеть, его здесь не будет. Обещаю.

Глава 9. Холден

Слышно было даже в камбузе: глухой стук, пауза и еще один удар. Холден каждый раз поеживался. Наоми с Алексом сидели здесь же, притворяясь, будто не слышат, но о чем бы ни заговаривали: о состоянии корабля, об успешном выполнении задания, о том, покориться ли судьбе, устроив на корабле карцер, – разговор замирал под этими бесконечными размеренными ударами.

– Может, надо мне с ней поговорить? – сказал Холден. – По-моему, надо.

– Не понимаю, откуда такая мысль, – возразил Алекс.

Наоми пожала плечами – воздержалась. Холден доел поддельную баранину, утер губы салфеткой и сбросил все в утилизатор. В душе он надеялся, что его кто-нибудь остановит. Никто не остановил.

В тренажерной «Росинанта» сказывался возраст. Ни одной одинаковой пары эспандеров, серо-зеленые маты протерлись до белой основы, воздух мягкий от застарелого запаха пота. Бобби подвесила между полом и потолком тяжелый мешок на натянутом тросе. Ее облегающий серый тренировочный костюм пропитался потом. Волосы она стянула в хвост, взглядом приросла к мешку, пританцовывая перед ним на носках. Когда вошел Холден, она как раз разворачивалась влево, отводя ногу. Вблизи удар прозвучал так, будто уронили что-то тяжелое. Система доложила: девяносто пять кило на квадратный сантиметр. Бобби легко отскочила, не отводя взгляда от мешка, сместилась вправо и ударила другой ногой. Удар прозвучал чуть глуше, но показания выросли на три кило. Бобби отскочила, перезагрузилась. Набитая кожа икр горела.

– Привет, – поздоровалась она, не оборачиваясь. Удар, перезагрузка.

– Привет, – ответил Холден. – Как дела?

– Хорошо. – Удар, перезагрузка.

– Поговорить ни о чем не хочешь?

Удар, перезагрузка.

– Не-а.

– Ну... ладно. Если... – удар, перезагрузка, – передумаешь...

– Я тебя найду.

Удар, перезагрузка, удар.

– Отлично, – сказал Холден и вышел, пятясь. Бобби ни разу на него не взглянула.

Наоми ждала его в камбузе с грушей кофе наготове. Холден сел напротив. Алекс уже сбрасывал остатки своего завтрака в утилизатор. Холден пил. Процессоры «Роси» юстировались раз в неделю, а загрузились они перед вылетом с Луны, так что наверняка ему только чудилось, что кофе горчит сильнее обычного. Все же он бросил в него щепотку соли и покрутил грушей, перемешивая.

– Ты знала, что ничего не выйдет, – укорил он.

– Ожидала, – поправила Наоми, – но не знала.

– Только подозревала.

– Сильно подозревала, – почти виновато призналась она. – Но могла ведь ошибиться.

– Оставь ты Бобби в покое, кэп, – посоветовал Алекс. – Пройдет и выйдет с другой стороны.

– Просто я... хотел бы я понять, что ее так мучает.

Алекс моргнул.

– Так ведь ей после Ио ни разу не довелось подраться с плохими парнями. И вот подвернулась драчка, а она застряла в ящике, пока другие стреляли.

– Но мы же победили.

– Мы-то победили, – вздохнула Наоми. – А она смотрела, как мы побеждаем и пытаемся вытащить ее из ловушки. Пока она освободилась, все кончилось.

Холден отхлебнул кофе. Этот глоток оказался немножко лучше на вкус. А толку-то?

– Хорошо, но когда я спрашивал, что ее беспокоит, я имел в виду, не могу ли чем-нибудь помочь.

– Мы поняли, – сказала Наоми. – Понимаем, в чем проблема.

По внутренней связи разнесся голос Амоса:

– Там есть кто-нибудь? Я уже десять минут стучусь в рубку.

Алекс включил систему.

– Сейчас поднимусь.

– Давай. Кажется, нашарил последнюю утечку. Как оно видится с твоей стороны?

– Сойдет. – Алекс кивнул и направился к оперативной палубе – навстречу ремонту. Времени у «Лазурного дракона» было не слишком много, но диверсанты хорошо потрудились. Отрывать куски обшивки проще, когда тебя не волнует, что еще при этом отломается. У Холдена от сознания, что корабль не в порядке, словно кожа зудела там, куда не дотянуться почесать. Добавляла беспокойства и мысль, что верфи на Луне завалены работой. Времена, когда можно было побездельничать на Тихо, пока люди Фреда Джонсона латали корабль, видимо, миновали навсегда, а для Луны земной флот был важнее команды Холдена.

Впрочем, не только в этом дело. Было еще кое-что – что толкнуло его на разговор с Бобби. А до того – с Клариссой Мао. Хотелось, чтобы все было в порядке, а он все сильнее ощущал, что до порядка далеко. И в ближайшем времени не предвидится.

– А ты как? – спросила Наоми, выглянув из-под копны темных, мягко кудрявящихся волос. – Хочешь поговорить?

Он хихикнул.

– Хочу, да не знаю, что сказать. Мы тут герои-победители, взяли пленных и ядро с данными, а все кажется, что этого мало.

– Этого мало.

– Умеешь ты утешить.

– Я к тому, что дело не в тебе. Ты не потому не находишь себе места, что с тобой что-то неладно. Ты в норме.

Положение паршивое.

– Это не... знаешь, а и вправду немножко утешает.

– Хорошо, – кивнула Наоми. – Потому что мне важно было знать, что это не из-за Марко и Филипа. И не... потому что тебе тяжело быть со мной рядом.

– Нет, – сказал Холден. – С этим мы разобрались.

– И еще разберемся, когда все кончится, не сомневаюсь. Но не мог бы ты иногда это повторять?

– Я бы вышвырнул из шлюза все на свете, лишь бы ты была рядом. Это не потому. Насчет Марко Инароса меня заботит одно: что он снова попытается до тебя добраться.

– Приятно это слышать.

– Я тебя по-прежнему люблю. Я всегда буду тебя любить.

Он думал, что отвечает на ее вопрос, но взгляд Наоми ушел в сторону. Она улыбнулась с горечью – но все же улыбнулась.

– Всегда – это долго.

– Я капитан корабля. Теоретически я мог бы заключить с тобой брак сию минуту.

Вот теперь она рассмеялась.

– А тебе бы хотелось?

– Мне и так неплохо. Брак – это нудятина. Отношения мужа и жены скучнее и не так надежны, как отношения Холдена и Наоми, – ответил Холден. – Знаешь, он не сможет победить.

– Еще как сможет. Марко сам решает, когда он победил.

– Нет, я это обдумал. Свободный флот... необороняем. Он причиняет большой ущерб, он убивает много народу. Но все это завязалось из-за врат. Если бы люди не ринулись к новым колониям, Марс бы удержался. Астеры не боялись бы, что их вытеснят из жизни. Не случилось бы ничего из того, за что уцепился Марко. Но врата никуда не денутся. Значит, все, против чего он сражается, переживет его. Люди все равно будут стремиться к новым звездам и находить пути. А новые колонии постараются поддерживать с нами связь и торговлю. Во всяком случае, пока не встанут на ноги, а это не на одно поколение.

– Ты думаешь, что он промахнулся с историческим выбором?

– Да.

– Тогда что ты скажешь о таких, как я? Я выросла в Поясе. Я бы не захотела жить в гравитационном колодце. Врата никуда не денутся, но ведь и астеры тоже. Пока они еще остались...

– Это в каком смысле?

Наоми пожала плечами.

– Человеческая история навидалась геноцидов. Если ты прав, значит, в конечном счете либо врата, либо астеры. А астеры... мы люди... мы хрупкие. Мы умираем. А врата? Даже знай мы, как их уничтожить, мы бы не стали. Слишком большой объем недвижимости... Холден опустил глаза.

– Все правильно. Была моя очередь.

Наоми недоуменно подняла бровь.

– Утешение вышло не таким удачным, как задумывалось, – объяснил он. – Извини.

– Ничего. Между прочим, я не то имела в виду, когда сказала, что Марко сам решает, когда победил. Ты не представляешь, какой он верткий. Что бы ни случилось, вывернет так, будто все идет по его плану. Останься он последним человеком на свете, скажет, что задумывал апокалипсис, и провозгласит победу. Он такой.

* * *

Даже им, исполнявшим волю Крисьен Аvasаралы, пришлось семнадцать часов дожидаться свободных причалов для «Росинанта» и «Лазурного дракона». Наконец им дали посадку на военных верфях перед комплексом Пацаева – там садились гражданские спасательные корабли. Доки были забиты – люди толпились и выстраивались в очереди. Одни смотрели пустыми глазами, как в бреду, другие плакали от облегчения, или от усталости, или от всего вместе. Воздух пропах потом и казался застоявшимся даже под вентиляцией.

Комплекс станции Луна – корабельные верфи и дворцы съездов, отели и жилые отсеки, школы, офисы, склады – по размерам мог бы вместить сотни миллионов тел, но инфраструктура не справлялась уже на половине этого количества, несмотря на выигрыш, который давали лунная масса и проводимость для оттока тепла. Вместимость станций Лагранж была еще меньше. Прокладывая дорогу сквозь толпу, Холден подсчитывал в уме. Половина землян, согласно оценкам, уже погибла. Пятнадцать миллиардов ушли или уходят так быстро, что их уже не спасти. Из выживших две трети находятся, как выражаются в новостях, в «катастрофических условиях». Десяти миллиардам людей не хватает пищи, или воды, или крыши над головой. А за пределами колодца место есть, может, на четверть миллиона. На два с половиной стотысячной процента нуждающихся в спасении. Он не поверил себе и пересчитал. Вышло то же число.

И тысяча миров там, сразу за воротами. Враждебных миров в большинстве, но не враждебнее, чем теперь Земля. Если бы найти способ телепортировать людей из Бостона, Лиссабона и Бангкока, они бы, может быть, спаслись. Могли бы жить дальше, чтобы создать на руинах Земли что-то новое и прекрасное, а если в одной системе не выживут, останется еще тысяча шансов.

Только этого не случится – слишком сложна перевозка. Они умрут на месте, потому что нет средства достаточно быстро доставить их в другое место.

- Ты в порядке, кэп? – спросил Амос.
- В полном, а что?
- Вид у тебя, будто ищешь, кому бы врезать.
- Не буду, – ответил Холден. – Не поможет.
- Вон туда, – сказала Бобби.

Охрана перед помещением администрации была вооружена маленькими автоматами, одета в бронежилеты. Отступив, охранники пропустили Бобби в широкую серую дверь. Остальные утятами потянулись за ней. Офис был как из другого мира. Освещение полного спектра вызвало в памяти Холдена летние вечера. Плющ и папоротники раскачивались под ветерком из воздуховодов. Коридоры были на полметра шире, чем на «Росинанте», – ошущимая роскошь. Если бы не запах пороха от лунной пыли и не одна шестая *g* – не скажешь, что на Луне. В остальном как дома, в помещениях ООН в Гааге.

Бобби вела остальных, будто знала, куда идти: до конца коридора, мимо еще двух вооруженных стражей, за двери из матового стекла. Помещение было обставлено как терраса: кресла и диванчики вокруг низких столов. Человек восемь или десять, разбившись на пары и маленькие компании, рассыпались по комнате, и Холден не враз сообразил, кто это.

В какой-то момент все стало черно-белым, потом начали проступать пятна цвета. Коричневый круг от кофейной чашки на валике, зеленоватая ленточка на обивке кресла. Авасарала стояла у дальней стены, ее оранжевое сари пылало факелом. Она разговаривала с седой темнокожей узкобедрой женщиной. Заметив, что Авасарала улыбается кому-то, женщина обернулась. Холден загнулся.

- Мама Софи?

И тут же, словно навели фокус, он узнал остальных. Годы изменили всех, а видеть их через объективы, на экране – не то же самое. Отец Том набрал вес, а отец Цезарь сбросил, но это были они – подходили к нему рука об руку. Отец Антон облысел, а мать Элиза постарела и выглядела более хрупкой, чем на экране. И ниже ростом. Ниже ростом казались все, потому что у них на ферме система стояла на столе. Он много лет смотрел на них снизу вверх, с этого десктопа, и только сейчас понял.

Восемь родителей обступили его, ласково прикосались, сплетали руки – как в детстве. Холден заметил, что плачет, – память малыша, окруженного и защищенного телами любящих взрослых, накрыла его волной. Теперь он стоял среди них, самый сильный, пораженный любовью, и радостью, и страшным осознанием, что ни мальчика, которым был он, ни мужчин и женщин, которыми были они, уже не вернуть. Они тоже плакали. Отец Дмитрий, мать Тамара, отец Джозеф. И его новая семья тоже плакала.

Наоми зажимала рот ладонью, словно силилась сдержать слова или чувства. Алекс улыбался шире всех родителей, глаза у него сияли. Авасарала и Бобби выглядели довольными, как будто подготовили приятный сюрприз на вечеринке. Страшновато было смотреть на Клариссу Мао, которая, обхватив себя израненными руками, содрогалась от сдерживаемых рыданий. Амос поглядел на всех, словно застал последнюю фразу анекдота, пожал плечами и предоставил компании веселиться. На Холдена накатила волна любви к этому человеку.

– Пойдите, – заговорил он. – Подождите, все. Мне надо познакомить вас... со всеми остальными, наверное. Все, вот это Наоми.

Все его родители обернулись к ней. У Наоми чуточку округлились глаза. Пожалуй, только он заметил, как дрогнули в панике ее ноздри. Он не ожидал этой паузы, этой короткой заминки, когда увидел ее их глазами: вот астерская девушка, с которой спит сын. Вот бывшая любовница человека, убившего их мир, воплощение всего, что случилось. Одна из них. Это длилось мгновение и еще мгновение. Огромные, как межпланетное пространство.

– Я так много о тебе слышала, милая, – заговорила мать Элиза, подходя и заключая Наоми в широкие объятия. Подтянулись остальные, выстроились в очередь, чтобы приветствовать ее в лоне семьи. Но ему не почудилось: то мгновение было на самом деле. И пока две его семьи смешивались и сплавлялись: отец Дмитрий с отцом Антоном и Алексом заговорили о кораблях, мать Тамара с Амосом с веселым изумлением разглядывали друг друга, – Холден ощущал сопротивление. Они ее полюбят, если он попросит, но она не одна из них.

Он почти забыл о Бобби, пока та не оказалась рядом.

– Вот она какая. Находит способ с тобой расплатиться.

Она кивнула в дальний конец комнаты. Авасарала стояла одна и наблюдала за происходящим с улыбкой, не затронувшей глаз. Холден подошел к ней.

– Они говорили мне, что у них все хорошо, – сказал он. – Когда я с ними связался, сказали, что вне опасности.

– Это на тот момент было правдой, – ответила Авасарала. – Реактор там еще действует. И еды они запасли больше других. Могли бы протянуть еще... месяц? Откуда мне знать? Консервы, охренеть! Кто в наше время закатывает домашние консервы?

– Но вы их эвакуировали.

– Еще неделю – или месяц. Но не год. Они не могли держаться до бесконечности, а пока сообразили бы, что дело плохо, мест бы уже не осталось. Я поставила им приоритет на эвакуацию. Я это могу, я босс.

– Куда...

Она пожала плечами.

– Есть места здесь, на Л-4. Не так просторно, как было у них в Монтане, зато вместе. Это я могу. Может, они даже вернутся на свою ферму – когда-нибудь, когда все останется позади. И не такие чудеса случались.

Холден взял ее за руку. Ладонь была прохладной, твердой и неожиданно сильной. Она обернулась, впервые с тех пор, как он вошел в комнату, взглянула ему в глаза. Улыбка коснулась уголков глаз.

– Спасибо, – сказал Холден. – Я у вас в долгу.

Улыбка изменилась, утратила официальную холодность и отстраненность, которую скрывала под собой.

Авасарала гортанно захихикала.

– Знаю, – сказала она.

Глава 10. Авасарала

Она теперь не спала, а если и спала, то не высыпалась.

Кровать в номере была губчатой, но не проминалась, как при нормальной гравитации, и оттого казалась и слишком мягкой, и слишком жесткой. И еще – сон предполагает отдых. Отдыха больше не было. Закроешь глаза, и сознание опрокидывается, словно падает в звезды. Смертность, окна поставки, совещания по безопасности – все, что заполняло так называемые рабочие часы, заполняло и ночи. Во сне еще и терялась та невеликая связность, что была днем. Это походило не на сон, а на кататонию безумца, и спустя несколько часов она возвращалась в сознание, чтобы продержаться еще восемнадцать или двадцать часов и снова провалиться. Дерьмово, но надо было работать, и она работала.

Хоть душ приняла.

– Похоже, Бобби Драпер не дала Холдену запороть дело, – заметила она, вытирая волосы. Номер был освещен мягкой синевой, похожей на предвестие рассвета. Понятно, теперь на Земле рассветы выглядели иначе. Это было похоже на прежние. – Девочка мне нравится. Я за нее беспокоюсь. Она слишком долго присидела за столом. Это не по ней.

Она перебрала взглядом сари в гардеробе, пробежалась пальцами по ткани, послушала, как ткань шуршит под пальцами. Выбрала зеленое, с отливом жучиных крылышек. Золотая вышивка по краю, поблескивая под фальшивым солнцем, создавала впечатление одновременно бодрости и власти. И к нему янтарное с нефритом ожерелье. Модно. Человечество исходит на кровавый понос, а она должна думать, как будет выглядеть на совещании.

Как трогательно!

Вслух она продолжала:

– Сегодня пришли известия от Гиеса и Басрата. Их все считали погибшими, а они отсиделись в какой-то норе под Юлийскими Альпами. Может, и не собрались бы показать нос, пока все не уладится, но ты же знаешь Аманду. Ей нигде не по вкусу, пока не найдутся свидетели, что ей лучше всех. Не понимаю, что ты в ней нашел.

Она поздно спохватилась – что-то огромное и опасное шевельнулось в сердце. Глубоко вздохнув, прикусив губу, она снова занялась складками сари.

– Справимся со Свободным флотом, и нам придется думать об эмиграции. На Земле никто оставаться не захочет. Тогда и я смогу улететь. Отдыхать на берегу какого-нибудь инопланетного океана и не считать себя в ответе за каждую волну прибоя. Марсу ни за что не выкрутиться. Смит храбрится, но он не премьер-министр, а сиделка при своей умирающей республике. Когда мне кажется, что у меня дела плохи, стоит только посидеть с ним за выпивкой.

О чем-то она говорила уже не раз, с небольшими вариациями. Что-то было новостью: сводки с поверхности, данные с разведывательных зондов над Венерой, от тайных агентов на Япете, Церере и Палладе. На фоне Свободного флота АВП представлялся умеренным и здравомыслящим, и Фреда Джонсона еще можно было использовать для связи с теми анклавами в Поясе, где понимали, как опасен Марко Инарос и насколько опаснее он может стать в будущем. Видит бог, от него не было добрых вестей. Но на каждую новость, на каждый невозвратный рывок секундной стрелки приходилось что-то из старого. К чему она возвращалась вновь и вновь, как перечитывают любимую книгу. Или стихотворение. Что-то, что она повторяла, *потому что* уже говорила это раньше.

– Ты мне однажды читал. Про черные сосны, – продолжала она, откапывая в шкатулке ожерелье и золотые браслеты к вышивке на сари. – Припоминаешь? Я запомнила только конец: «Да-да, да-да, да-да-да-да, дорогу в рай мостили». Что-то про семена, которым, чтобы прорасти, нужен пожар. Я тогда сказала, что похоже на второкурсницу, изображающую глубоко-

мыслие, чтобы подмазаться к дружку. Вот то стихотворение. Оно теперь не идет у меня из головы, а вспомнить тоже не могу. Раздражает.

Браслеты скользнули на место. Ожерелье слишком легко лежало на ключицах. Она присела за стол, коснулась век карандашом, положила на щеки гомеопатическую дозу румян. Никто не должен заметить, что она пользуется косметикой. Запах румян напомнил комнатку в Дании – она там жила студенткой. Господи, куда только не заносят ее воспоминания! Закончив, она повернулась к ручному терминалу. Индикатор показывал, что запись еще идет. Она улыбнулась в камеру.

– Приходится теперь носить маску. Смейся-смейся. Тебя еще не нашли, но я убеждаю себя, что найдут. Что если бы ты умер, я бы знала. Раз не знаю, значит, это неправда. Но это все трудней, любимый. И если ты вскоре не возвратишься, этих записей накопится столько, что ты отстанешь от меня на целый семестр.

Только семестров больше не будет, подумала она. И курсов поэзии. Ничего не будет из того, что отличало ее жизнь от других до падения камней. И тут, как будто он был рядом, голос Арджуны прошептал в памяти: «Поэзия будет всегда»

– Я люблю тебя, – сказала она в терминал. – И всегда буду любить. Даже... – этого она еще не говорила. Не позволяла себе подумать. Все когда-нибудь случается в первый раз. И в последний раз тоже. – Даже если тебя здесь нет.

Остановив запись, она ликвидировала ущерб, нанесенный косметике слезами, и опустила голову, как актриса, готовящаяся выйти на сцену. А когда подняла глаза, они стали жесткими. Она послала Саиду запрос на связь, и он немедленно отозвался. Ждал.

– Доброе утро, мадам секретарь.

– Пропустим эту фигню. Что нового сегодня в аду?

– Через полчаса у вас встреча с Горманом Ли из научного отдела. Потом завтрак с премьер-министром Смитом. Интервью Кэролу Степанову из «Стратегических докладов экономики Востока», а потом заседание комитета стратегии и реагирования. Это все до ланча, мадам.

– Степанов. Не тот ли, кому три года назад дали Токеровскую премию за статью по Дашелл Морага?

– Я... могу проверить, мэ.

– Иди ты, Саид! Этого попробуй отложить. Он тот самый, наверняка. Мне, прежде чем с ним встречаться, надо поговорить с его женой, – ответила она. – Нельзя перенести на после обеда?

– Я найду время, мэ.

– Будь добр. И позаботься, чтобы встреча была частной. Точно все время под микроскопом. Вырасти у меня полип в жопе, я об этом узнаю из «Ле Мوند».

– Как скажете, мэ.

– Так и скажу. Присылай карт, надо работать.

* * *

Горман Ли был худощав, в светло-каштановых волосах просматривалась седина, а зелень глаз, как догадывалась Авасарала, обеспечили косметологи. До Луны они не были знакомы. Он после падения камней взлетел выше уровня компетентности, и это сказывалось в подчеркнутой скромности и привычке откашливаться перед каждой фразой.

– Те корабли, что... пропали со связью, как правило, большой массы, – говорил он. – «Олеандр-стриж», «Барбатана де Тубарао» и «Гармония» укладываются в эту закономерность. Хотя «Каза Ацул» из нее выпадает.

На Луне всегда была богато представлена наука. Здесь установили первый широкополосный телескоп, избавленный от атмосферных помех. Первую постоянную лунную базу военные поровну разделили с исследователями. Но смена поколений оттеснила лунных ученых из первых рядов, куда выдвинулись Ганимед, Титан, Япет... помоги им всем, боже. Феба... На Луне осталась администрация и детские научные проекты. Конференц-зал, где они беседовали, был выкрашен в серо-зеленый цвет, затуманившийся от многолетних чисток, и обставлен креслами из кожзама.

– Мне в ваших словах слышится, что четкой закономерности нет, – заметила Авасарала. Горман Ли крепко сжал зубы и растерянно замахал руками.

– Есть закономерности. Сколько угодно закономерностей. Все двигатели изготовлены в двадцатимесячный промежуток. Реакторная масса у всех с Сатурна. Все пропали в момент, когда движение было напряженным. У всех в регистрационном коде имелась последовательность «четыре-пять-два-один». Если этого мало, могу найти еще столько же. Но что из этого имеет значение? Нет, этого я не берусь сказать.

– А какие-нибудь из кораблей с последовательностью «четыре-пять-два-один» добрались благополучно?

Горман Ли зафырчал, как рассерженный хомячок, а потом опустил глаза на монитор и покраснел.

– «Джаннетта», с ганимедской регистрацией. Прошла между «Олеандром» и «Гармонией». Доложилась с Волтона – никаких проблем.

– Ну... – Авасаралу позабавило, что он всерьез проверил ее предположение, – можно сказать хотя бы, что цифры здесь вряд ли замешаны.

– Да, мэм, – кивнул Горман Ли. – Мэм, если продолжить сбор данных... я уверен, что на станции Медина есть отчеты по всем этим рейсам. А может, и по другим. И еще, что касается тех, которые прошли нормально. Если бы мы...

– Если бы мы контролировали станцию Медина, – отрезала Авасарала, – многое было бы иначе. Наши друзья с Марса не объяснили, почему их пиратский флот так заинтересован во вратах Лаконии?

– Нет даже подтверждения, что отбившиеся корабли ушли туда.

Авасарала поморщилась.

– Сели, коленки вместе, после того как их поймали. Типично для них. Поговорю со Смитом. Медину нам не взять, но к своим-то данным должны иметь полный доступ.

– Спасибо, мэм. – Это Горман Ли сказал уже ей в спину. Авасарала не тратила время зря.

Движение помогало держаться. Давало ощущение, что действуешь, продвигаешься, решаешь проблемы и ищешь решения – если решения существовали. Это помогало сдерживать отчаяние. Смит приходилось хуже. В чужом мире, без дома и без подчиненных. На Луне просто не было марсианской инфраструктуры. Если не участвовал в совещаниях и не вел переписку с двенадцатиминутной задержкой, премьер сидел в номере и слушал, как в новостях его клеймят идиотом, клоуном, по халатности позволившим продать флот Республики Конгресса террористам и пиратам. Ему даже не приходилось разгребать величайшую в мировой истории катастрофу, – чтобы некогда было жалеть себя.

Смит встретил ее в дверях. В простых песочного цвета слаксах, в белой рубашке без воротничка, рукава закатаны – он сошел бы за торговца или мелкого священнослужителя. Улыбался он с неизменно профессиональной теплотой и искренностью. Войдя, Авасарала огляделась. Никого. Даже охраны нет. Действительно частная встреча.

Очко в пользу Саида.

Завтрак ждал их в столовой – запеченные яйца, толстые тосты с маслом, – а люди, которыми они правили, тем временем умирают. Еще она отметила полупустую бутылку вина на полу у дивана, экран на стене, настроенный на развлекательный канал: крутили слегка

рискованную комедию трехгодичной давности. Голые Шаннон По и Лакаш Гедаят пытались укрыться одним пляжным полотенцем, не глядя друг на друга и не соприкоснувшись телами. В контексте фильма сцена могла быть смешной. Проследив ее взгляд, Смит выключил экран.

– Смех, – заявил он, – бальзам в тяжелые времена.

– Надо будет попробовать, – отозвалась Авасарала. Он подвинул ей кресло, она не возражала. – У меня к вам несколько дел, но сперва... я понимаю, почему ваша разведслужба скрывает информацию о Дуарте, но какого хрена придерживать сведения о кораблях, проглоченных воротами? Вы что, торговаться вздумали? Так мне, кроме секс-услуг, расплатиться нечем.

– Яйца хороши, – заметил Смит.

– Яйца? Мне бы из них цыпленка выжать! Дайте сведения по пропавшим кораблям.

Смит улыбнулся и закивал, словно выслушал ненавязчивую вежливую просьбу. Бледная мякоть белка по пути до рта брызнула золотом. Желток заляпал ему рубашку, но министр как будто не заметил.

– Что такое? – спросила она.

– Это вам придется решать с моим преемником. Мне сегодня сообщили. Оппозиция выдвинула вотум недоверия. К вечеру я лишусь поста.

Авасарала втянула воздух и выпустила сквозь зубы. Молчание между ними говорило о многом – пока она его не нарушила.

– Срань!

– Они рассержены и напуганы. Им нужен виноватый.

Я напрашиваюсь на эту роль.

– Кого они выдвигают?

– Называли Оливию Лью и Чакая Нельсона. Но на самом деле будет Эмили Ричардс.

Авасарала жевала яйцо, не разбирая вкуса. Ричардс – это неплохо. Во всяком случае, серьезный человек. Лью и Нельсон слишком погружены в прошлое Марса. К будущему они не готовы. Женщины Ричардс – хорошие политики. Издавна.

– Сочувствую, – сказала она. – Для вас это тяжело.

– Политики – азартные игроки, – вздохнул Смит. – Мы ловим свой шанс, а мироздание решает по-своему.

Фигня, подумала Авасарала. Политики – лобные доли политического организма. «Мироздание решает посвоему»! Без него им будет лучше. Только не сейчас.

– У вас целый день, – сказала она. – Передайте мне эти сведения, пока не поздно.

– Крисъен...

– Что они вам сделают? Уволят? Ни хрена – мне нужны данные для решения задачи. Если вас достанут, обеспечу убежище в сумасшедшем доме.

Он засмеялся, откинулся назад. Метнул взгляд на погасший экран и снова на нее. Авасарала заподозрила, что бутылка у дивана – не первая.

– Обещаете? – как бы в шутку спросил он. Она улыбнулась.

* * *

Комитет стратегического реагирования. Адмирал Пайсор и Саутер. Пэррис Кантиер из «гуманитарного развития» времен Гааги. Майкл Хэрроку из «Аквакультуры». Барри Ли и Симон Гутьерез из «Движения и перевозок». Не назовешь командой мечты, но лучшее, что у нее осталось. Все, собравшиеся за темным стеклянным столом, выглядели такими же усталыми, как она. Хорошо. Так и надо.

– Марс, – говорила Авасарала. – Смиту дают пинок под зад. Его сменит Эмили Ричардс. Я сейчас пытаюсь с ней связаться. Возможно, она будет более открыта, но полагаться на это не стоит. Что у вас?

Ли заговорил первым. От усталости он пришепetyвал сильней обычного, зато в глазах еще ярче светился острый ум.

– Мы наладили вывоз беженцев из Африки и Европы.

Сейчас сосредоточимся на Восточной Азии.

– По ней не били, – напомнила Авасарала.

– Зато на них выпало больше всего пепла, – объяснил Ли. – Мои люди занимаются маршрутами и потребностями. Информация с грунта обрывочная.

– Пояс? – спросила она.

– Пояс есть Пояс, – ответил Пайсор. – Реакция в широком диапазоне. Ганимед сохраняет нейтралитет, но он полностью в сфере контроля Свободного флота. Вероятно, предложимы защиту, перешел бы к нам. АВП разделился. Открыто отмежевались от Свободного флота только станция Тихо, станция Келсо и Рея. Троян и Япет молчат. Остальной Пояс... Большой частью за Свободный флот. Пока они сулят пищу, материалы и защиту, умеренным астерам трудно будет организовать – даже если допустить, что они захотят.

Саутер откашлялся. Его высокий голос напоминал ей пение.

– Мы раздраконили журнал связи «Лазурного дракона». Судя по нему, прямо сейчас на Церере проходит встреча высших представителей Свободного флота. Инарос и четверо его капитанов.

– О чем совещаются? – резко спросила Авасарала.

– По-видимому, никому не известно, – ответил Саутер. – Но существование второго судна-наводчика не подтверждается. Мы опознали семь крупных камней, движущихся сейчас к Земле. Отслеживаем и готовы перехватить.

То есть чека уже выдернута. Авасарала подалась вперед, прижала пальцы к губам. Мысли металась по Солнечной системе. Станция Медина. Рея, отмежевавшаяся от Свободного флота. Продовольствие и снабжение Ганимеда. Голодная смерть Земли. Марсианский флот, поделенный между таинственным Дуарте с его нелегальным Свободным флотом и Смитом. То есть теперь Ричардс. Затерявшиеся колонии. АВП, подчиненный Фреду Джонсону, и другие фракции, выпавшие из-под его влияния. Корабли колонистов, ставшие жертвами пиратского Свободного флота, станции и астероиды, наживающиеся на пиратстве. И пропавшие корабли. И похищенный образец протомолекулы.

Мозг перебирал десятки вариантов: перенаправить силы к станции Тихо, чтобы Ганимед осмелел, или заблокировать Палладу, перерезав снабжение Свободного флота, или установить защищенную зону для колонистских кораблей, стремящихся отсюда в темноту. Тысячи разных путей, и ни про один не скажешь, куда приведет. Ошибись она, и рухнет даже то, что осталось.

Но Марко Инарос и его капитаны собрались в одном месте, а у нее есть свободные корабли.

– Фортуна любит смелых, так? – сказала она. – Ни фига. Давайте вернем себе Цереру.

Глава 11. Па

За семь декад до рождения Мичо Па Земля с Марсом переписали торговые правила на сырую руду из Пояса. Якобы для того, чтобы поощрить закладку и развитие обогатительной промышленности в Поясе и на орбитах Юпитера и Сатурна. Идея могла бы даже и сработать. Первым результатом стал срыв в бездну тех старателей и добытчиков на астероидах, которые прежде держались на грани выживания. Корабли ставились на прикол, или работали без прав, или пропадали, не имея средств оплатить технический уход и ремонт. В те времена Земля с Марсом говорили в один голос, и для Пояса оставалась одна-единственная надежда на восстановление справедливости – создать собственные военные силы.

Официально они никогда не существовали. Альянс Внешних Планет держался за счет того, что был распылен, и его существование отрицалось. Однако начало было положено. Выбирай фракцию, ищи себе место в цепочке подчинения, создавай зыбкую, но жизнеспособную структуру, что когда-нибудь сумеет нарастить мускулы. Вот ответ внутренним планетам, норовящим распространить свою власть до областей, где Солнце немногим больше яркой звезды.

Когда Мичо исполнилось двадцать два, Фред Джонсон – палач станции Андерсон – представлялся ей самой яркой надеждой. Землянин, сражающийся за Пояс. Против собственных естественных интересов. Ей, молодой и неопытной, это казалось доказательством его искренности. Па устроилась на станцию Тихо, сперва наладила связи, потом приписалась. Прошла подготовку в собранных Джонсоном квазивоенных структурах. Потратила годы жизни.

Она тогда верила. Наивная дуреха. Но то было до «Бегемота».

Для нее назначение старшим помощником на первый настоящий военный корабль астероидов стало исполнением мечты. Корабль поколений строился не для войны, но вся его команда была военной. Так она себе говорила.

Командовал капитан Ашфорд. Па подчинялась непосредственно ему. А между ними, в роли начальника службы безопасности, Фред Джонсон подсунил своего личного друга. Карлоса Си де Бака. Быка. Нянькой при ней, и с правом вмешаться и перехватить вожжи, стоит ей допустить ошибку. Она горячо ненавидела Быка. Не упускала ни одной возможности его унижить. Стоило ему оступиться, она вбивала клин в прореху. «Бегемот» шел к кольцу с целью не давать воли Земле и Марсу. Показать, что астеры – сила, с которой надо считаться. Что наверху, то и внизу. Па считала личным делом доказать Быку, что она лучше него.

Вот почему ей было так больно, когда Сэм приняла его сторону.

Они все обсудили – она и Сэм. Как важно скрыть их связь. Чтобы никто – особенно из начальства – о ней не догадался. Сэм согласилась – может, она действительно была согласна. А может, хотела подчеркнуть зыбкость ее, Мичо, положения. А потом они с Быком внаглую перераспределили бюджет. Хуже предательства и быть не могло. Сэм – ее Сэм – связалась с землянином. С землянином, которого Фред Джонсон подослал следить за ненадежными астерами.

Тогда Па ошиблась – не в первый и не в последний раз. Эмоции не позволили ей признать мудрость и опыт Быка, пока все не пошло вразнос. Даже потери при катастрофе не открыли ей глаза: она не распознала в капризах и вспышках Ашфорда симптомов душевной болезни. Она по-прежнему подчинялась старшему по званию.

И не успела помириться с Сэм до того, как Ашфорд ее убил.

Фред Джонсон послал Па в самую бучу, потому что она была из астероидов – ему нужно было выставить астера заметной фигурой. Она была не подготовлена, зато удобна ему. Из-за этого погибли люди.

«Бегемот» не вернулся из-за врат. Его ободрали догола, раскрутили барабан и переименовали в станцию Медина. Мичо Па отправили обратно на Тихо марсианским судном. Когда избавились от тел погибших, свободного места осталось с лихвой. Едва вернувшись к себе, она подала в отставку. Даже в душ влезть не успела. Отказалась от официальной службы на Тихо, от ранга в военной структуре АВП – от всего. Фред Джонсон прислал ей личное сообщение. Что в нем было, она не знала. Стерла, не прослушав.

Потом ее побросало: хваталась то за одно, то за другое. Скрывала кошмары и припадочки рыданий. Водила корабль, занимавшийся спасением бесхозного имущества – эта работа граничила с пиратством. Крышевала торговые кооперативы, не внесенные в тарифные списки, – строго говоря, контрабандистов. Когда ее нашли Надя с Бертольдом, Мичо управляла комплексом военных складов на Рее – склады принадлежали полукриминальному профсоюзу с базой на Титане. Ей потребовалось полгода, чтобы понять, что она в них влюблена, и еще четыре месяца, чтобы заметить, что и они ее любят, и понять, что это означает. День, когда они поселились все вместе в крохотной дешевой норе в полукэмэ от лунной поверхности, стал одним из лучших дней в ее жизни.

Остальные подтягивались каждый своим путем. Лаура и Оксана пришли вместе. Потом Жозеп. Эванс. Каждого нового человека в брачном союзе она принимала как пополнение своего племени. Как сородича. Здесь были не политики, не военачальники; эти люди любили не ради власти. Она чувствовала: одно дело – Пояс, борющийся за существование против открытых с ее помощью врат, другое – голоса и тела семьи.

Но мечта не умерла. Где-то в душе, дремлющая, но живая, таилась мечта об астерском флоте, который встанет лицом к лицу с Землей и Марсом и заставит себя уважать.

Так что, когда явился Марко Инарос с предложением, Мичо его выслушала. Среди астеров ее еще помнили как капитана, действовавшего в медленной зоне. Ее имя звучало веско. Марко, когда придет время, потребуется координатор для перехвата колонистских кораблей в медленной зоне и снабжения астеров. Грабить богатых внутренков и делиться с бедными астерами, пока силы не уравниются. Пока не воплотится космическая утопия.

Но это время еще не пришло. Пока ему требовались мелкие услуги. Переброс кое-какой контрабанды на Ганимед. Надзор за перевозкой пленных. Помощь в установке тайных релейных станций за Юпитером. Он вскармливал ее великими мечтами и малыми шагами.

Вместо «вскармливал» она могла бы сказать: «соблазнял».

– Сколько у нас кораблей на подходе к Церере? – спросил Инарос, поравнявшись с ней. На административном уровне станции Церера пахло живыми растениями, помещения похвально полировкой стен и полов. Мичо здесь чувствовала себя не на месте, но Марко – другое дело. Этот везде и всюду был как дома.

– Семь, – ответила она. – Ближе всех «Алистер Раух». Он уже приступил к торможению. Причалит через три дня. Дальше всех «Хорнблауэр», но Кармонди может поднажать, если понадобится. Я требую от флота, чтобы сэкономили реактивную массу.

– Хорошо. Это хорошо. – Марко взял ее за плечо. Его охрана застыла в дверях конференц-зала. Мичо хотела пройти мимо, но Марко ее придержал. – Надо будет их переместить.

– Переместить?

– Направить в другие порты. Или загасить и на время оставить на месте.

Мичо покачала головой. Не столько возражая, сколько выражая смятение. На язык просились полдюжины ответов: «Им же надо будет где-то заправляться», и «Сюда за их добычей уже летят со станций, где кончаются еда и удобрения», и «Это шутка такая?» – Зачем? – спросила она.

Марко улыбался тепло, обаятельно. Выразительная, светлая улыбка. Она поймала себя на том, что улыбается в ответ, сама не зная чему.

– Ситуация переменилась, – ответил он и первым вошел в конференц-зал. Охранники, когда Мичо проходила мимо, кивнули ей, а она задумалась, куда подевался сын Марко.

Остальные уже собрались за столом. Стену, на которой Марко не один день вычерчивал свое видение будущего Пояса, протерли и украсили изображением древнего воина. Темнокожего, с пышными усами и бородой, в тюрбане, в длинных просторных одеждах, с тремя мечами за широким кушаком и древней винтовкой на сгибе руки.

– Опаздываете, – прохладно обратился к Марко Доуз, пока Мичо занимала свое место. Марко игнорировал обоих.

– Вспомним Афганистан, – заговорил он. – Главного Могильщика Империй. Этот народ не сумел покорить даже Александр Великий. Все могущественные державы отступались от него, истощив силы.

– Но их экономику не назовешь функционирующей, – возразил Санджрани. Розенфелд тронул его за плечо и приложил палец к губам.

Марко расхаживал перед нарисованным воином.

– Как они этого добились? Каким образом неорганизованный народ с примитивной технологией веками отражал атаки сильнейших империй? – Он обернулся к со бравшимся. – Знаете?

Никто не ответил. От них и не ждали ответа. Спектакль. Марко улыбнулся шире, поднял руку.

– Для них другое было главным, – объяснил он. – Их враги воевали за территорию. Имущество, земли. А тем гениям важнее было пространство, которого враг не занимал. Английская армия входила в афганские города, готовясь захватить поле битвы, а находила – пустоту. Враг растворялся в холмах, переселялся в места, которых англичане не приняли в расчет. Англичане стремились захватить города. А для афганцев святыней были холмы, поля, пустыня.

– Не слишком ли это романтично? – усомнился Розенфелд. Марко его не услышал.

– То были отважные люди. Астеры своего времени. Наши духовные отцы. Пришло нам время почтить их. Друзья мои, «Лазурный дракон» пал – мы знали, что рано или поздно это произойдет. Земля, корчащаяся от боли и невежества, готова взбрыкнуть.

– Вы что-то слышали? – спросил Доуз. Он был бледен.

– Ничего нового, – ответил Марко. – Мы всегда ожидали, что они нацелятся на Цереру. С тех пор как АВП взял власть, они выжидали, но наш кузен Андерсон всегда старался уравновесить власть заискиванием. До сих пор у них были другие заботы. Теперь положение изменилось.

Флот ООН перестраивается. Они движутся на Цереру. Но когда они сюда доберутся?..

Марко поднес ко рту сжатые кулаки, дунул на них и растопырил пальцы. Иллюзия, но Мичо померещился разлетающийся с его ладоней пепел.

– Не хотите ли вы сказать?.. – задохнулся Доуз.

– Я уже отдал приказ об эвакуации, – перебил Марко. – К их приходу на станции не будет ни наших солдат, ни ценностей.

– На станции шесть миллионов человек, – сказал Розенфелд. – Нам никак не вывезти всех.

– Конечно, не вывезти, – согласился Марко. – Это стратегический ход. Мы забираем корабли и все, в чем нуждаемся, а территорию уступаем Земле. Они не дадут Церере умереть с голоду. Земле только и осталось, что строить из себя жертву и взывать к сочувствию простаков. Если не позаботятся о Церере, лишатся даже этого сочувствия. А мы? Мы вернемся в пространство, которое и есть наш истинный дом. Там нас не достанут.

– Но... – проговорил, почти проскулил Санджрани, – экономика...

– Не волнуйтесь, – успокоил Марко. – Все, о чем мы говорили, никуда не денется. Только прежде пусть враг истощит силы, рухнет. Я так и задумал с самого начала.

Доуз встал. Лицо его словно пеплом покрылось, только на скулах горели два красных пятна. Руки дрожали.

– Это из-за Филипа. Отыгрываешься на мне?

– Речь не о Филипе Инаросе, – ответил Марко, но уже без прежнего вдохновенного восторга. – Речь о Филиппе Македонском. О том, чтобы учить уроки истории. – Он выдержал долгую, страшную паузу. Доуз осел на стул. – Так. Мы с Мичо уже обсудили перенаправление тех кораблей, что на подходе. Поговорим о логистике опустошения самой станции, да?

* * *

Обычай внутреньих – прибыв на станцию, разбегаться с собственных кораблей – издавна служил пищей для астерских шуточек. Что выбрать в корабельном меню? Обед в доке. Как узнать, что внутреньих слишком давно не были в порту? Они выбегают с корабля посрать. Если землянину придется выбирать – остаться на корабле, чтобы спасти жизнь любимой, или выйти в порт и никогда больше ее не увидеть, как избавиться от трупа? Так внутреньих смотрели на вещи. Корабль – ничто, планета – все. Или луна. Или астероид. Они не представляли себе жизни без грунта, без почвы. Вот в чем крылась их слабость.

Не все люди Мичо остались на «Коннахте», когда корабль прошел стыковочную трубу и встал в док, но большинство. А те, что вышли, почти наверняка вернуться, чтобы поспать в своих койках. Никто бы не удивился, что весь брачный союз был в сборе. А если бы немножко и удивился, то не нашел в этом ничего невероятного.

Подходя к лифту, она поймала себя на странном чувстве, будто в первый раз видит свой корабль. Как на новой станции – все казалось резким, отчетливым. Незнакомым. Зеленые и красные индикаторы на стене лифта. Мелкий белый шрифт на каждой панели, сообщавший, что за ней скрывается и когда установлено. Эмблемы Марсианской Республики Конгресса, еще заметные на полу вопреки всем попыткам оттереть. Запах черной лапши из камбуза. Она не стала задерживаться – еда сейчас в глотку не пойдет.

Они собрались в каютах, отведенных для семьи. Чуть ли не первое, что сделал Бертольд, как только им достался «Коннахт», – это снес стены трех кают, слив их в просторное помещение, в котором всем хватало места на креслах-амортизаторах. Марсианские дизайнеры проектировали корабль так, чтобы люди могли побыть одни либо собраться всей командой. Астерам нужнее было уединение для компании. Оксана и Лаура сидели прямо на палубе, их арфам, на которых женщины наигрывали старинную кельтскую мелодию, было тесновато. Светлокожая Оксана и темнокожая Лаура устроились рядом – пара из сказки. Жозеп примостился на кресле, читал что-то с ручного терминала и покачивал ногой в такт музыке. Эванс сидел рядом и, похоже, нервничал. Надя, похожая на пра-сколь-то-правнучку того самого афганского солдата, стояла за другим креслом, ласково поглаживая редеющую шевелюру Бертольда.

Мичо села на оставленное ей место и дослушала до конца мелодию, завершившуюся сложными переливами кварт и квинт. Потом все отложили арфы и ручные терминалы. Бертольд приоткрыл единственный здоровый глаз.

– Спасибо, что пришли, – начала Мичо.

– Всегда пожалуйста, – отозвалась Лаура.

– Один вопрос, – вмешался Жозеп. – ты сейчас наш капитан или наша жена?

– Жена. Я... мне кажется...

И тут она расплакалась. Скрючилась, закрыв глаза ладонями. Туго скрученный узел, в который стянуло ей сердце, встал в горле. Она пыталась его выкашлять, но прозвучало это как всхлипы. Лаура коснулась ладонью ее колена. А потом Бертольд обнял сзади, и она припала к нему. Услышала, как Оксана приговаривает: «Ничего, малышка, все ничего», – как будто с другого конца света. Это уж было слишком. Все это было слишком.

– Опять, – наконец выговорила Мичо. – Я опять. Я сдала нас Марко, а он... он такой же, как Ашфорд. Как долбаный Фред Джонсон. Я так старалась, чтобы это не повторилось, и вот опять. Я вас всех притащила. И мне так... так стыдно.

Семья сплотилась вокруг нее, и каждое прикосновение утешало, говорило: мы здесь. Эванс, даже не зная причины, плакал вместе с ней. От слез сначала стало хуже, все смешалось. А потом полегчало. Прояснилось. Худшее миновало. Она снова стала собой, и тогда Жозеп поп росил:

– Расскажи нам. Тогда история потеряет над тобой власть.

– Он бросает Цереру. Уводит весь Свободный флот, а людей бросает на внутренков. Те колониетские корабли, что мы захватили, хочет подвесить в темноте вне плоскости эклиптики, превратить в склады вместо того, чтобы раздать добытое.

– А, – проговорила Надя, – вот он, значит, какой?

– Меняться тяжело, – сказал Жозеп. – Если долго убеждать себя, что ты воин, начинаешь этому верить.

Тогда мир видится смертью. Самоуничтожением.

– Поменьше абстракций, милый, – попросила Надя.

Жозеп моргнул и горестно усмехнулся.

– Конкретнее. Ты права. Ты всегда права.

– Мне так жаль, – сказала Мичо. – Опять я все испортила. Поверила, отдалась под его команду, и... я дура. Просто я дура.

– Все мы согласились, – мрачно напомнила Оксана. – Все поверили.

– Вы поверили потому, что я вас просила, – сказала Мичо. – Это я виновата.

– Ну-ну, – вмешалась Лаура. – Мичи, помнишь волшебное слово?

Мичо против воли рассмеялась. Старая шутка. Из тех, что делают семью – семьей.

– Волшебное слово: укс, – сказала она и повторила: – Укс!

Бертольд воспользовался моментом, чтобы шумно высморкаться и утереть слезы с глаз.

– Хорошо. Так что будем делать?

– Дальше работать на этого ублюдка нельзя, – заявила Оксана.

Надя кивнула ладонью.

– И остаться здесь дожидаться землян тоже нельзя.

Все не сговариваясь посмотрели на нее. Мичо, жена. Но еще и капитан. Она прерывисто вздохнула.

– Он нас для чего брал? Перехватывать колониетские корабли и распределять еду и все необходимое между нуждающимися астерами, так? Это остается нужным делом. И у нас все еще остается военный корабль. Может, найдутся и другие, которые взглянут нашими глазами. Значит, либо нам продолжать свое дело, либо найти тихое местечко и затаиться, пока Инарос не спохватился, что мы пропали.

Ей показалось, что семья молчит очень долго, хотя она успела вдохнуть и выдохнуть очень немного раз. Бертольд почесал слепой глаз. Надя с Оксаной переглянулись, кажется, со смыслом. Лаура откашлялась.

– Трусость – еще не гарантия безопасности. Не такие времена.

– Врэ¹¹, – согласился Бертольд. – Я за то, чтобы делать, за что взялись, а остальное на фиг. И раньше переходили на другую сторону. Ничего, выжили.

– Правда? – усомнился Жозеп. – И теперь нам переходить на другую сторону?

– Да, – сказал Эванс.

Жозеп заглянул Мичо в глаза. Добродушный юмор и любовь текли от него, как тепло от нагревателя.

¹¹ Верно.

– Мы раньше дрались с угнетателем. И продолжаем драться с угнетателем. Тогда слушались сердца. И сейчас слушаем свое сердце. Ситуация меняется, но это не значит, что меняешься ты.

– Подсластил пилюлю, – признала Мичо, беря его за руку.

– Все те же абстракции, – уколола Надя, но в ее голосе тоже звучала любовь.

– Все, что ты сделала, – продолжал Жозеп. – Все твои ошибки, потери, шрамы. Все это привело тебя к тому, что, как только ты увидела Большого Босса таким, какой он есть, ты готова действовать. Ты просто не можешь не действовать. Все, что было, готовило тебя к этому.

– Чушь собачья, – подытожила Мичо, – но спасибо.

– Если мирозданию нужен нож, оно создает нож, – пожал плечами Жозеп. – Если ему нужна королева пиратов, оно создает Мичо Па.

Глава 12. Холден

Настенный экран в общем вестибюле порта был настроен на новости мира развлечений. Ошеломительная молодая красотка с румянами или красной татуировкой отвечала кому-то невидимому на экране. Бегущая строка именовала красотку Зединой Раэль. Холден такой не знал. Звук был включен, но его заглушал людской гомон. Субтитры шли на хинди. Раэль на экране покачала головой, и по ее щеке поползла густая слеза – кадр сменился изображением разрушенного города под грязно-бурым небом. Что-то о положении на Земле.

Легко забывалось, что мир развлечений – музыканты, актеры и просто знаменитости как знаменитости – пострадал от катастрофы не меньше других. Этот ломтик реальности существовал как бы наособицу. Вне насилия. Эпидемии, войны и катастрофы не совмещались с рукотворным миром веселья, – хотя на деле, конечно, касались и его. Зедина Раэль, как бы она ни добилась места на экране, была еще и человеком. И возможно, упавший с неба камень убил кого-то, кого она любила. И убьет еще кого-то.

– Капитан Холден?

К нему обращался плечистый мужчина, темноволосый, с остроконечной узкой бородкой. Кроме ручного терминала, он принес с собой усталость и добродушие. Судя по униформе, он принадлежал к портовому управлению, а бирка на груди называла его Бэйтсом.

– Извиняюсь. Вы давно ждете?

– Да нет, – отозвался Холден, взяв у него протянутый терминал. – Всего несколько минут.

– Много дел, – объяснил Бэйтс.

– Ничего, – сказал Холден, подписываясь и прижимая большой палец к сенсорной панельке. Терминал пискнул. Тонкий радостный писк. Как будто даже терминал был счастлив, что Холден разрешил выгрузку.

– Вас приняли в отсек Н-15? – спросил Бэйтс. – Сейчас же начнем разгружать. Кто у вас ремонтом занимается?

– Ремонтник у нас свой, – сказал Холден. – Нагата Наоми.

– Ах, да, конечно. – Мужчина коротко кивнул и отошел. Зедину Раэль на экране сменила толстогубая Ифрах Маккой. Эту Холден хотя бы знал. Невидимый интервьюер что-то спросил, и сквозь затишье в фоновом гуле Холден расслышал ответ. «Этого нельзя так спускать. Мы должны ответить». Бессильная боль в голосе Маккой встревожила его, то ли потому, что Холден с ней соглашался, то ли потому, что боялся последствий этого ответа.

Он вернулся в доки – дела не ждали.

На вращающихся станциях, таких как Тихо или станции Лагранж, корабли парковались в вакууме. Совсем другое дело – Луна. Порт был скрыт глубоко под поверхностью, имелись шлюзы для ввода и вывода кораблей, раздвижные клапаны, воздух. «Росинант» стоял торчком, дюзами к центру Луны, а заостренным на манер стамески концом верхних палуб к звездам. Его охватывала сетка ферм. Места здесь хватило бы на корабль втрое больше размером, и все свободное пространство было заполнено пригодным для дыхания воздухом.

У стены штабелями громоздились строительные мехи – не хватало только четырех, занятых на «Роси», – те медлительно ползали по кораблю, как паучки по вороне. В одном работала Наоми, в другом Амос. Третьим управляла Сандра Ип, одна из двух механиков Фреда, приданных «Росинанту» для перелета на Луну, когда настоящую команду, кроме Холдена, разбросало по космосу.

Алекс с Бобби стояли на помосте, глядя вверх вдоль корпуса. Оставленный Свободным флотом след был узловатым, как шрам, и ярко выделялся на обшивке. Широкие панели для заплат поднимались вдоль ферм и корабля, направляемые массивными уолдо. Взяв протяну-

тую Алексом гарнитуру и подключив ее к ручному терминалу, Холден вышел на общекомандный канал.

– Как смотрится? – спросил он.

– Потрепали они нас, – отозвалась Наоми. – Впечатляет.

– Ломать – не строить, – заметил Холден.

– Оно и видно. – Наоми подтвердила согласие, по-астерски кивнув кулаком. – А секции на замену... – Что-то не так?

Ему ответил голос Сандры Ип. Незнакомый голос чуточку раздражал слух.

– Карбосиликатное кружево. Произведение искусства. Легче и прочнее. Способно отразить скользящее попадание снаряда ОТО. – Она проговаривала все это с вызовом, намекавшим, что вопрос обсуждается не впервые.

– Пока способно, – ответила Наоми. Холден переключился на канал «Только для „Роси“», но слушать продолжал на общем.

– Ну, в кругу семьи, что не так с новыми пластинами?

– Ничего, – ответила Наоми. – Они великолепны. Это тебе каждый скажет. Но что будет через пять лет?

Через десять?

– Они недолговечны?

– В том-то и штука, – протянул Алекс. – Ни одна пока что не прожила десять лет. Материаловеды от протомолекулы из штанов выпрыгивают. Столько новых игрушек! В том числе эти кружевные пластины. Теоретически должны держаться не хуже настоящих. А на практике на нас и проверят. И мне чертовски долго пришлось убеждать «Роси», что я не напутал с их массой. «Роси» тоже придется подстраиваться.

Холден скрестил руки. Уолдо над его головой развернули новую секцию, приложили ее к боку «Росинанта».

– А нам это точно надо? Может, обойдемся обычными?

– Нет, если хотим быстро попасть на Тихо, не обойдемся, – отрезала Наоми. – Война идет.

– Можно отказаться от контракта, – предложил Холден. – Найдет себе Фред другой транспорт.

– Не знаю, кэп, – смешался Амос. – При таких делах я скорее рад, что мы при работе. То есть пока деньги еще чего-то стоят. – Он помолчал. – Эй, деньги еще в ходу?

– Будут в ходу, если мы победим, – ответила ему Наоми. – Порты Свободного флота нас все равно не станут ни снабжать, ни заправлять.

– Точно, – сказал Амос. – Вот я и рад, что мы при работе.

Два меха шмыгнули к краям новой пластины. Солнышками вспыхнули сварочные аппараты, сплавляя старую технологию с новой. Чем-то это Холдену не нравилось, внушало недоверие. Но и поражало тоже. Когда он родился, кружевной ткани нового корпуса не существовало, а теперь существует.

Протомолекулу, кольца, жуткие и прекрасные руины в новых мирах создавал великий разум. Пусть он погас, но в то же время внедрился в человеческое знание, в возможности человечества, в его представление о себе. Рожденный сегодня ребенок вырастет в мире, где карбосиликатное кружево так же обычно, как титан и стекло. Они забудут, что это плод сотрудничества между человечеством и призраком мощного, чуждого разума. Холдену повезло родиться в переломном поколении, перешагнувшем рубеж, сшивший до и после, как сейчас буквально сшивают их Наоми, Амос, Ип. Ему дано восхищаться, как это круто. Страшновато, но круто.

– Это будущее, – сказал он. – Надо учиться с ним обращаться.

Остальная временная команда Фреда Джонсона была уже на борту вместе с Клариссой или спешила на борт из отведенного им на Луне жилья. Впервые они – Земля, Марс и даже более умеренные осколки АВП – вместе и открыто выступят против Свободного флота. Глав-

ная тяжесть падет на Землю и Марс, но и «Росинанту» найдется место. Корабль-наблюдатель с Фредом Джонсоном на борту. С Фредом, хотя бы отчасти представляющим Пояс. Они готовы.

Только вот Холден готов не был.

Теперь, когда родители выбрались из земного колодца, ему на удивление хотелось остаться с ними. Он большую часть взрослой жизни провел вне планет. Спроси его кто, сказал бы, что и не скучает по Земле. По некоторым людям – да. По местам детства – пожалуй. Но тоски по целой планете не было. Только теперь, когда по ней нанесли удар, возникло желание защититься. Может, так всегда бывает. Он перерос дом своего детства, но в душе не сомневался, что дом этот никогда никуда не денется. Может, изменится. Может, немножко постареет. Но сохранится. И вот его не стало. Остаться хотелось, как хочется вернуться в недалекое прошлое, где беды еще не случилось.

Пришло сообщение от Фреда Джонсона. Они с техником-оружейником Сан-ю Стейнбергом и Гором Дрогой заканчивали последнее совещание. Как только приварят на место новую обшивку и проверят герметичность под давлением, можно отправляться. Если у Холдена на Луне остались дела, пора ими заняться.

У него на Луне осталось одно последнее дело.

Горелки вспыхивали, гасли и снова вспыхивали. «Росинант» чуть-чуть менялся – не впервые за эти годы. Малые перемены, складываясь, превращали былой корабль в будущий. И людей тоже.

– Вы в порядке? – спросила Бобби.

– А что?

– Вздыхаете.

– Это с ним бывает, – влез Алекс.

– Вздыхаю? – удивился Холден, лишь сейчас вспомнив, что Бобби подключена к каналу «Только для „Росинанта“». И хорошо, что так. – Я не заметил.

– Не расстраивайся, – посоветовала Наоми. – Это даже мило.

– Ну-ну, – отозвался он. – Наоми, вы когда кончаете? Фред уже в пути.

– Ага, – ответила она, и, возможно, ужас в ее голосе ему только померещился. – Хорошо.

* * *

Карт, на котором они проезжали по лагерю беженцев, шел по электромагнитным направляющим. Колеса рокотали и поскрипывали довольно громко, так что Холдену пришлось повысить голос.

– Если бы ей по-прежнему платила ООН или Марс, другое дело, – говорил он. – А если мы предлагаем ей постоянную работу на корабле, это надо хорошенько обдумать.

– А чем она плоха? – возразила Наоми. – Знает корабли типа «Роси» как никто из нас. Ладит с командой.

Что ты имеешь против Бобби на борту?

В коридорах на глубине было сыро и тесно. Системы жизнеобеспечения работали на полную мощность и даже сверх того. Люди шаркающей походкой сторонились с дороги карта, кое-кто провожал его взглядом, но многие смотрели как на пустое место.

Территория беженцев пахла потерями и ожиданием. Чуть ли не каждый из мелькнувших вдоль дороги людей лишился корней. Холден с Наоми относились к счастливицам. У них остался дом, хоть и изменившийся немножко.

– Дело не в Бобби, – ответил Холден. – Бобби я рад. Но вот условия... Мы что, будем ей платить? Или перераспределим права на «Роси», приняв и ее в долю? Не уверен, что это хорошая мысль.

– Почему? – подняла бровь Наоми.

– Потому, что это станет прецедентом, который может относиться к любому принятому в команду.

– Ты о Клариссе.

– Я не хочу давать Клариссе Мао долю в «Роси», – сказал Холден. – Просто я... Она здесь – ладно, пусть будет так. Я и сейчас не в восторге, но ладно, переживу. А Бобби я бы хотел принять в команду на полных правах, но просто... не могу согласиться, чтобы Кларисса когда-нибудь назвала мой корабль своим домом. Одно дело – взять ее на борт, а другое – делать вид, что она как Бобби.

И ты. И я.

– Нет ей прощения? – то ли поддразнивая, то ли всерьез спросила Наоми.

– Прощения – сколько угодно. Горы прощения. Но и границы тоже.

Карт вильнул влево и затормозил. Скрип колес затих. Отец Антон ждал в дверях, улыбнулся и кивнул, когда они выбрались из тележки и прыгуче зашаркали к нему. Квартира родителям Холдена досталась лучше многих. Маленькая, тесная, зато отдельная. Матерям и отцам не пришлось делить ее с посторонними. В воздухе витал запах фирменного желтого карри мамы Тамары. Отец Том и отец Цезарь стояли в дверях одной из спален, обнимая друг друга за талии. Отец Димитрий облокотился на валик старого дивана, а из кухни показались матери Элиза и Тамара. Отец Джозеф и мать Софи сидели на пуфиках, разложив между собой магнитный шахматный столик с разбежавшимися в ходе игры фигурами. Все улыбались, как и он, и никто не улыбался искренне.

Опять прощаться. Когда Холден уходил в обреченный рейс военного флота, тоже случилась такая минута. Может, он вернется через несколько недель. А может, никогда. Может, они останутся на Луне или переберутся на Лагранж-4. Или будет иначе. Может, лишившись фермы, десятилетиями удерживавшей семью вместе, они разведутся. Океан грусти вдруг накрыл Холдена, и очень трудно было это скрыть. Уберечь родителей от своего отчаяния. Как они оберегали его.

Они обнимались – по одному, потом все вместе. Мать Элиза взяла Наоми за руку, попросила заботиться об их мальчике. Наоми торжественно пообещала сделать все, что в ее силах. Холден радовался, что Наоми участвует в этой, может быть, последней встрече, – пока прощаться не подошел отец Цезарь.

– Ты молодец, мальчик. Мы все тобой гордимся.

– Спасибо, – сказал Холден.

– Ты задашь жару этим сраным головастикам, да?

Наоми за левым плечом Цезаря застыла. Ее улыбка, до сих пор теплая, мягкая, веселая, стала вежливой. Холдена словно пнули в живот. А Цезарь даже не догадывался, что сказал грубость. Холден не знал, что делать. Просить отца, чтобы извинился, или не портить последней минуты. Наоми, заговорив с матерью Тамарой, теребила себя за волосы. Занавешивала ими глаза. Дерьмо...

– Знаешь, – начал Холден, – это...

– Так он и сделает, – перебила Наоми. – Положитесь на него.

Она встретила его взгляд, ее глаза были темными и жесткими. В них ярче неоновой вывески светилось: «Не усугубляй». Холден усмехнулся, обнял напоследок отца Цезаря и стал отступать к двери, к карту, к «Росинанту». Все восемь родителей столпились в дверях, провожая. Он чувствовал их взгляды, даже когда карт, свернув за угол, покатил к докам. Наоми молчала. Холден вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Теперь понимаю, почему ты не хотела... Я должен извиниться...

– Нет, – сказала Наоми. – Давай не будем.

– По-моему, я должен перед тобой извиниться.

Она повернулась так, чтобы смотреть ему в лицо.

– Извиниться должен бы твой отец. Один из твоих отцов. Но я его от этого избавлю.

– Хорошо, – сказал Холден. Карт вильнул вправо. С дороги шарахнулся мужчина с густой бородой. – Я собирался за тебя вступиться.

– Знаю.

– Просто... надо было.

– Знаю. И тогда я стала бы причиной всеобщей неловкости, и все бы сбились с ног, заверя меня, как они уважают астеров и вовсе не имели в виду *меня*. А ты их сын, и они тебя любят. И друг друга любят. Поэтому, кто бы что ни говорил, виноватой вышла бы я.

– Да, – признал Холден. – Но тогда мне не было бы так стыдно. А сейчас стыдно.

– Это твой крест, милый, – устало бросила Наоми.

Команду Фреда Джонсона они застали на загрузке в шлюз последних припасов. Новые заплаты на боку «Роси» бросались в глаза. Карт, высадив их, скрипя и рокоча укатил прочь. Холден замешкался, разглядывая корабль. На сердце у него было смутно.

– Ну? – спросила Наоми.

– Ничего, – ответил он. И добавил, помолчав: – Было время, когда все казалось мне простым. Или хоть кое-что.

– Он не меня имел в виду. Правда, не меня. Потому что я для него человек, а головастики, астеры... они не люди. У меня на «Пелле» были друзья. Настоящие друзья. Люди, с которыми я выросла. Люди, за которых я тревожилась. Люди, которых я любила. С ними то же самое. Они убивали не людей, они убивали землян. Марсиан. Пыльников. Приземков.

– Приземков?

– Угу.

– Этого я еще не слышал.

Наоми взяла его за руки, прижалась всем телом, пристроила подбородок ему на макушку.

– Это считается грубым словом.

Холден прислонился к ней, насколько позволяла слабая сила тяжести. Ощутил тепло ее тела. Как поднимается и опускается грудь при дыхании.

– Мы не люди, – сказал он. – Мы – истории, которые люди рассказывают о нас друг другу. Астеры – фанатикитеррористы. Земляне – ленивые обжоры. Марсиане – шестеренки в механизме.

– Мужчины – воители, – дополнила Наоми и продолжила пустым голосом: – Женщины – кормилицы, они ласковые и сидят дома с детками. Так всегда было. Мы имели дело не с людьми, а с нашим о них представлением.

– И смотри, до чего это нас довело, – сказал Холден.

Глава 13. Пракс

Больше всего он удивлялся тому, как мало переменяли перемены. По крайней мере, в начале. Подбирая хвосты после реконструкции, влившись в набегающую волну научных проектов, Пракс иногда неделями не смотрел новостей. Если в огромной сфере человечества происходило что-то интересное, узнавал об этом из разговоров. Услышав, что правление станции объявило нейтралитет, счел, что это относится к секвестированию и обмену газа. И не знал о войне, пока Карвонидес ему не рассказала.

Ганимеду и так было слишком хорошо известно, каково быть полем боя. Слишком свежей была в коллективной памяти катастрофа, слишком саднили едва затянувшиеся раны. Еще оставались нераскопанными залитые льдом коридоры – следы вспышки насилия, случившейся перед открытием врат-колец, до открытия тринадцати сотен миров. Повторения никто не хотел. И потому Ганимед заявил, что ему все равно, кто стоит у руля, лишь бы им не мешали заниматься исследованиями, лечить людей в своих больницах и жить своей жизнью. Огромное «Мы заняты, разбирайтесь сами!», обращенное ко всей вселенной.

А потом... ничего не было. Никто их не захватывал, никто им не угрожал. Никто не забрасывал их ядерными снарядами, а если и забрасывал, снаряды не долетели и не попали даже в сводки новостей. Поскольку Ганимед сам обеспечивал себя продовольствием, голода не предвиделось. Пракс немного беспокоился за финансирование работ, но когда впервые поднял этот вопрос, от него отмахнулись, а больше он и не пытался. Они держались за свое. Не поднимали головы, занимались, чем всегда занимались, и надеялись, что никто не обратит на них внимания.

И потому ежедневные маршруты Пракса – от своей норы до школы Мэй, а потом к себе на работу – остались на диво неизменными. Продуктовые карты на станции поставляли все ту же поджарку из толченой кукурузы и горький чай. Обсуждения проектов проходили до обеда по понедельникам. Поколения растений, грибов, дрожжей и бактерий жили, умирали и подвергались анализу – как всегда, словно никто не искалечил Землю. Не убил ее.

Когда на углах стали появляться астеры в форме Свободного флота, все промолчали. Когда корабли Свободного флота стали требовать снабжения, их марки добавили в одобренные списки валют и стали принимать их контракты. Когда замолчали лоялисты, на всех совещаниях, во всех программах требовавшие поддержать Землю, их молчание не обсуждалось. Все всё понимали. Нейтралитет Ганимеда мог устоять только при поддержке Свободного флота. Марко Инарос – Пракс о нем и не слышал до падения камней – может, и не правил базой, но подрезал и прищипывал бонсай из управлявших, пока деревце не приняло угодную ему форму. Платите дань Свободному флоту, и вам оставят самоуправление. Возмутитесь – будете убиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.